

Игорь Галеев

Душегуб

ПСИХОЭМА

Игорь Галеев
Душегуб. Психозема

«Издательские решения»

Галеев И.

Душегуб. Психозма / И. Галеев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-961712-5

В глухом посёлке на побережье Фельдшер имеет стойкую мизантропическую теорию о жизни. Прагмат и реалист. Но неожиданно судьба подбрасывает ему мистический «пунктик» — встречу со светящимся и говорящим пятнышком. Учитель Сергей Вековой попадает в классическое школьное болото. Его приезд взбудоражил жизнь посёлка. Это борьба, это столкновения, это творческий огонь, высвечивающий в персонажах истинные лица. Все жадно ждут развязки. Будут ли принесены жертвы?

ISBN 978-5-44-961712-5

© Галеев И.

© Издательские решения

Содержание

1. Впервые	6
2. На «ты»	13
3. Началось	17
4. О самодурстве и любви	23
5. Трудовоенчерпий и пощечина	29
6. Новогодняя ночь в подвале	35
7. 1 января. Перевертыши	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Душегуб Психоэма

Игорь Галеев

*Прекрасно то существо,
в котором мы видим жизнь такую,
какова она должна быть по нашим понятиям;
прекрасен тот предмет, который выказывает в себе жизнь или
напоминает
нам о жизни.*

© Игорь Галеев, 2019

ISBN 978-5-4496-1712-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Впервые

Пусть читатель заранее простит мне стилистическое несовершенство моей затеи. Я не литератор, не люблю писать письма, и лишь в школьные годы упражнялся в любовной лирике – потуги, известные каждому второму соотечественнику со средним образованием. Теперь, впервые взявшись за сочинение художественного толка, я должен заверить, что по-настоящему художественного здесь вы не найдете, так как я буду описывать события, имевшие место в настоящее время в действительной жизни с реально существующими людьми.

Я не стал изменять многие имена и фамилии, решив, что так называемые прототипы действующих лиц психоэмы не станут посылать в неведомое кассационные жалобы на характеристики и выводы покойника. Ну а если некто все-таки захочет настоять на своем – милости прошу! – мы решим любой вопрос на мирном безэмоциональном уровне.

Эмоции всегда, и особенно в юности, предательски подводили меня, дико фонтанируя в неожиданные, неподходящие моменты: и когда я попал в школу, мне пришлось немало потрудиться, выковыывая в своем характере редкое (в смысле природного дара) и драгоценное качество – терпимость. Любовь к детворе помогала добиться желаемого, но с неперевоспитуемыми взрослыми оставалось по-прежнему: терплю, скриплю, молчу и вдруг сорвусь – заору мерзким шепотом, размахивая руками, наговорю лишнего.

Много лет я учительствую, пять лет был завучем, десять – директором средней школы, и вроде бы пора научиться сдерживать свои чувства, но, видимо, темперамент неукротим (видимо – потому что я не вправе утверждать наверняка). Доказывал же он мне, что это не совсем так. Но не стоит забегать вперед.

Эта обычная с первого взгляда история началась четыре года назад прекрасным осенним днем. И здесь я просто обязан описать осень тех, мало кому известных мест, описать, не претендуя на оригинальность.

Кстати, я ненароком заметил, что большинство молодых людей того и другого пола называют своим любимым временем года осень. Наверное, оттого что модно слыть эдакой эгегической личностью.

А в годы моей подслеповатой молодости, как я припоминаю, к осени относились скорее уважительно, и, я бы сказал, настроенно и практично – все-таки преддверие холодов, непогод, забот о тепле и продовольственных запасах.

Сам я никогда не задумывался, что именно в природе мне по душе. Меня полностью поглощал небольшой отрезок времени – история (мой предмет) развития человечества. В ушедших судьбах и событиях я находил сладостное забвение, отдыхал от суеты и пошлости настоящего, как это делают многие не особо активные люди. Снег, дождь, листва и горизонты являлись естественными атрибутами моего бытия и не вызывали ни грусти, ни восторга.

Впервые природа по-настоящему поразила меня здесь, на Дальнем Востоке, точнее, в небольшом поселке, давным-давно основанном ради рыбного промысла на побережье Охотского моря.

Судьба забросила меня туда, как это всегда бывает, неожиданно. Но все что предшествовало этому – личное, ничтожное, не стоящее внимания. Признаюсь, однако, раз уж начал о себе, что я развелся тогда с женщиной, прожившей со мной шестнадцать лет в одном небольшом подмосковном городке. Развелся мирно, оставив ей нажитое, забрав с собой самое необходимое.

Надо сказать, уехал я оттуда не только из-за развода. Была и другая, основная причина, заставившая меня покинуть насиженное место, и об этом я еще обмолвлюсь. Мы часто говорили с ним о моих «профессиональных» неприятностях, начавшихся еще там, в Подмоскovie, и продолжающихся по сей день теперь уже для меня одного – безвредного и бессильного... Если бы я был его сверстником!

Вспоминаю утро, когда я впервые приехал в поселок. Примечательно, что это было осенью. Мне теперь хочется думать, что и то мое утро было такое же прекрасное и необычайное, такое же солнечное и безветренное, как и его утро спустя нудных шесть лет небытия...

Солнце отгуливало свои последние полнокровные денечки. Разноцветная листва весело смеялась его лучам, небу, уснувшему заливу, казалось, сама бесконечность в этот миг осмысленно дышала жизнью и песней, песней свободы и любви. Не объяснить... Черт знает, что же было необычайного в этом уголке земного шара!

Он говорил о непостоянстве природы этих мест, о ее непреклонном стремлении меняться для радости. Да, именно для радости, так он говорил.

По таким местам стоит бродить одному, и тогда этот целомудренный мир растений, от последней несмышленной травинки до огромной изломанной зимними буранами пихты, подарит вам незабываемые минуты насыщения жизнью и первозданным покоем. С «каким наслаждением можно глотать осенний перебродивший воздух! Сколько спелых дарственных запахов! Богатый урожай вечности...

Странно, но этот поселковый лесок, исхоженный сотнями ног, лап и копыт, сделался для меня открытием, чудом.

А настоящая тайга начинается от подножия сопки, основание которой тупо обрублено у самого залива. По побережью растительности немного, здесь редкие низкорослые деревья искорежены ветром и изображают собою будто калек, пришедших к океану искать утешения. Грустно...

Но стоит повернуть на запад, пройти большое маревое болото, и вы непременно попадете в величественную тайгу.

Она стоит зачем-то, она ждет чего-то, она – вечна. Как в доме неприхотливой хозяйки, в таежных жилищах и порядок, и беспорядок, и уют и пустота – и это сочетание непонятным образом создает ощущение гостеприимства и вызывает чувство уважения к дому. Здесь свои запахи, свои законы, здесь ты гость, здесь можно быть самим собой, здесь если и гуляет ветер, то ничего не меняется, это вам только кажется, что меняется, это ветер хотел бы изменить, а тайга остается тайгой – мятежной и властной, неподкупной и не поддающейся ничьей силе. Свободной...

Меня встретила осень. Октябрь. Начало октября.

Я сошел с трапа теплоходика и отправился на поиски школы, хотя «поиски» – не то слово. Стоит спросить любого встречного, и он, ухмыльнувшись, тотчас же покажет.

Школа стоит на окраине: одной стороной окон к лесу, другой – к морю. Я оставил у забора вещи и, движимый непонятным предчувствием, стал быстро подниматься в гору.

Помню, по дороге думал: вот приехал в такую рань, никому не нужен, сирота, неудачник... И только в лесу, словно по волшебству, почувствовал себя нужным и умным, и захотелось, как в юности, поразить кого-нибудь своей значимостью, восторжествовать!

Изумительно тихое утро. И эта тишина в сочетании с только-только поднявшимся солнцем, с блеском ярко-красных рябиновых листьев и букетами бусинок-ягод в желтизне берез,

с игольчатой зеленью пушистых елочек и молодых пихт очаровала душу чистотой и естественностью.

Листвы опало много, уже побуревшая, она печаливала живую картину той, что еще победно красовалась на ветвях.

Листья умирают, а ты живешь. Ты еще полон надежд встретить новое поколение нежной зелени! Ты еще раз увидишь взлет и падение! Ты могучий свидетель...

Как хорошо бороздить ногами хрусткую толщу листьев, касаться гладкой коры простодушных берез, идти бесцельно, зная, что на тебя никтошеньки не смотрит, насвистывать под нос пустяковый мотивчик, брать в руки какую угодно палку, любой камень, швырять их на все четыре стороны, заорав при этом богохулительно, и ни в коем случае не вспоминать, что за тысячи километров наступает ночь, и тысячи разнообразнейших ног стучат по серому асфальту, и тысячи пищевых авосек, портфелей и прочей белиберды снуют из магазина в магазин, а тысячи придурковатых огней мчатся в серость улиц, и среди тысяч городских озабоченных лиц мелькает несколько тех, что принадлежат твоим врагам, тем, кому ты так глупо мешал верхоправить в многотысячном городе. Теперь ты впереди, ты уже встретил утро, а там – тьма и холод...

Долго я бродил по пустынному обреченному лесу, а когда возвращался, с небольшой возвышенности взглянул на бухту. Все еще спала земля, додремывал лес, застыла и бухта, отражая серебряной плотью небесную голубизну. На небе ни тучки...

В переводе с языка аборигенов поселок называется Заливом Ветров. Я тогда еще не знал, что в этих местах ураганные ветры запросто выворачивают телеграфные столбы, одним махом срывают крыши, выдавливают стекла; и улыбался, припоминая грозное романтическое название, наблюдая за чайками и слушая их единственный пока над всем миром крик.

Поселковые строения просты, дома в основном деревянные, много сарайчиков, массивные вереницы поленниц, и всюду заборы, заборы.

Самое большое и внушительное здание – школа. Она была построена явно не по здешним масштабам, с вызовом. Двухэтажная, кирпичная, буквой «пэ», с двумя пожарными балконами по торцам, с четырьмя объемными прямоугольными колоннами, поддерживающими исполинскую бетонную плиту над центральным входом. Есть еще и парадный и штук десять запасных, наглухо забитых.

Я подобрал вещички и направился к массивной входной двери.

В коридоре, где еще не выветривались запахи олифы и извести, меня встретили две женщины. Они явно обрадовались моему приезду, обе говорливые, показали мне кабинет директора, и, не давая сойти с места, стали вводить в курс школьных дел.

Так я узнал, что завуч Валентина Марковна Савина уже, наверное, пришла, что она вообще приходит рано, потому что очень переживает за школьное имущество и в целом за школу, хотя случаев воровства давно уже не было, но ответственность у Валентины Марковны большая, а она все-таки женщина и ждет не дождется приезда нового директора, а старый – пройдоха еще тот был, да толи с браконьерами его где-то взяли, толи в бумагах он что-то нашельмовал, но, скорее всего и то и другое, потому как водились за ним грешки, и уезжать он не собирался, а тут звонок из гороно, вызвали на ковер, как это говорится, и перевели куда-то с понижением, а здесь-то...

За двадцать минут я узнал многое об учителях, об их семейной жизни, о погоде, о жителях поселка, о несчастных случаях. Голова разбухла от наплыва имен, фамилий, фактов. Пришлось беспардонно оборвать говорливых женщин и ретироваться в кабинет директора...

Читателя удивляет подробное описание моего приезда, да еще такой давности?

Я хочу верить, что не стал бы так многословно начинать эти записки, если бы мог как-то иначе показать день его появления в поселке.

Все дело в том, что он, как и я, как только сошел с теплохода, отправился в лесок, что возле школы, правда, был там гораздо дольше, чем в свое время я.

И самое главное – начало октября!

Вот потому-то, не имея достаточной доли художественного воображения (в данном случае вымысел помешал бы сути) и, передавая события от первого лица, я описал свой приезд, полагая, что и читатель поймет его ощущения и его радостное состояние через мое давнее знакомство с поселком.

А ему было радостно в этот день, можете не сомневаться. Он вошел ко мне в кабинет и, не останавливаясь у порога, сказал торопливо: «Сдрасьте!» – подсел к столу и быстро, возбужденно заговорил:

– Что за чудесное здесь место! Чудо, что за тишина! У вас всегда

такие дни? Я слышал, поселок переводится как Вьюжный или нет – Ветровой. Какая чепуха! Тишь! Абсолютная тишь. А воздух?! – смесь весны, зимы и лета. Ехал сюда, думал – серость, тоска, а зашел в лес и – черт знает! – не лес, а вдохновение! Знаете, ходил, даже бегал по этим листьям, а потом, сам не помню с чего – как захохоту! Упал и швыряю вверх! вверх! А они сыпятся, сыпятся!.. Листья-то... как живые!

Он неожиданно замолчал, наконец, заметив мой недоуменный взгляд и, вероятно, сообразив, что говорит с незнакомым человеком, поспешно встал и представился:

– Сергей Юрьевич Вековой. Вам должны были позвонить. Вы извините, я тут с ходу лишнего наговорил. Но знаете, со мной это не часто, – и он рассмеялся.

Чтобы не забыть, сразу замечу: потом смеялся он очень редко, больше улыбался, и как-то иронично это у него выходило.

Я ждал его, не именно его, а учителя литературы и русского языка. Но не думал, что пришлют молодого.

Предшественница Сергея Юрьевича заработала пенсию и уединилась в «средней полосе России»; я избегал бывать на ее уроках, с сонными глазами она по сорок минут в течение тридцати одного года твердила единственное: пбу-бу-бу...

Молодежи у нас не было, за исключением учительницы химии, приехавшей за год до появления Векового. Молоды были (относительно моего возраста) англичанка – тридцати трех лет, ее ровесница – учительница младших классов, физик Степан Алексеевич Буряк и его жена Анна Самуиловна – учитель математики. Ему тридцать шесть, она на два года старше. Работала тогда еще пионервожатая, девочка после десятого класса, провалилась с поступлением в институт, да лаборантка – к тридцати – вот и вся «молодежь». Остальным за сорок-пятьдесят, не исключая физрука, полноватую и сильную женщину Викторину Львовну Фтык, ей исполнилось сорок четыре, задорнейшая натура, надо отметить, и не без избытка эмоций, которые постоянно заводят ее в непробиваемое упрямство.

Когда я, наконец, понял, что этот молодой человек – преподаватель, то горько посетовал на судьбу: какого лешего она насмехается надо мной?

Интересно, сколько он продержится в нашей глухомани, куда и пешком-то не доберешься, а на транспорте простого смертного не пустят – пограничная зона, видите ли!

Разозлился я тут разом и на гороно за такие подарочки, и на это чертово, всеми ветрами продуваемое место, и на этого новоявленного педагога в помятых джинсах и серой куртке-ветровке, небрежно накинутой на белую футболку. Солидности и строгости ни грамма, а когда рассказывал о прогулке в лесу, усиленно и беспорядочно жестикулировал. Вот вам и воспитатель!

Но первое впечатление обманчиво. Хотя и потом в нём не замечалось «педагогической» солидности и «учительского» себялюбия, он был несравним, когда проводил уроки литературы. Он оказался истинным подарком судьбы, мучеником настоящего дела.

О «странном ведении уроков» первой узнала англичанка Ксения Львовна. После урока Векового они пришла в учительскую: рассеянно и раздраженно перебирала какие-то бумаги в шкафу; минуты три сидела в задумчивости на стуле, и явно не собиралась делиться впечатлениями.

Заметив, что Ксения Львовна собирается уходить, наша завуч громко спросила:

Ну, как, Ксения Львовна?

Непонятно отчего Ксения Львовна, с неприсущей ей экспрессивностью, фыркнула: «Фанатик!» – и поспешила за дверь.

На следующем уроке в десятом классе присутствовал я.

Вековой вошел сразу после звонка и нетерпеливым жестом посадил учеников. Сегодня на нем были застиранные вельветовые брюки и белая с черными полосками рубашка. Открытый ворот.

Он остановился возле окна, посмотрел на улицу и, не оборачиваясь, неожиданно громко сказал: «Ветер».

Ученики переглянулись, а он повернулся и стал спрашивать:

– Вы знаете, сколько написано о ветре? И о солнце, о тучах, о березе, о дубе, о море? Зачем? Зачем человеку писать о природе? Зачем останавливать беспрестанно меняющееся? Все равно на бумаге

не будет так же прекрасно, как в жизни. Тем более не отразишь человека? Или отразишь? – он снова смотрел в окно, – Толстой, Достоевский, Бунин, Чехов – отразили, показали человека? Он ли там – в их рукописях, в их поисках истины, или их выдумка? А что, если все мы ошибаемся? Существует же самообман? Тогда стоит ли вам изучать литературу?

Ученики оцепенели некоторые опустили головы, словно стыдясь откровенности учителя, другие все больше поддавались гипнотической силе слов, вызывающих в душе смятение.

Сергей Юрьевич спрашивал долго, и мое сознание наполнилось вопросами, они застигали врасплох, на них невозможно было ответить сразу.

Я очнулся, когда Вековой подошел к столу и открыл журнал.

Борисов, – ученик поднялся, и Сергей Юрьевич спросил:

Как зовут?

– Вас? – не понял ошеломленный Борисов.

– Меня – Сергеем Юрьевичем, а тебя?

– Сергеем.

– Тезки, значит. Садись. И отвечать будете сидя. Странно, и у вас в журнале не проставлены имена, – как будто между прочим бросил Сергей Юрьевич и продолжал знакомство с классом, успевая вписывать имена и говорить.

– Заранее предупрежу вас – у меня плохая память на имена, а фамилии я тем более не запоминаю. Фамилии – это для государства. Помните – Платон, Аристотель, Диоген? Прекрасно, без всяких закорючек... Вы задумывались? А теперь мы будем искать выход сообща, насколько, конечно, это возможно... Я о вере: тысячи, нет, миллионы людей верили в бессмертие. Вы знаете об этом? Почему им хотелось сохранить свою плоть, свою душу, имя свое?.. Бессмертен ли наш язык? Придет, быть может, время и расплавит книги, цивилизации? Или человек победит, достигнет большей власти, ему будет больше доверено? Природой? Вселенной? Разумом?.. Да, класс у вас небольшой, тем, впрочем, и лучше. Вы, наверное, удивляетесь мне? – он поднял голову и обвел взглядом лица. – Поверьте, я не для эффекта, вы самые старшие в школе, с вами можно говорить, нужно говорить обо всем. Мне же дано право учить вас, а через раскованную речь, через то, что меня тревожит и восхищает, я хочу подойти к самому главному... Поскольку у нас урок русской литературы, то самое главное на данный момент – художественное произведение.

Он закончил переключку – для меня, захлопнул журнал и встал.

– А что такое художественное? Вы знаете? Вот ты, Андрей, – показал он рукой на одного из лучших учеников школы, – знаешь? Сиди, сиди.

– Художественное, – замаялся Андрей, – значит... воображаемое... Нет, правдиво отражающее действительность!

– Почему правдиво? Разве не бывает не правдиво, а художественно?

– Наверное, бывает.

– Например?

– Например... Демона на свете нет, а у Лермонтова есть, – нашелся Андрей.

– Да, конечно, хотя смотря что понимать под словом правдиво. Может быть, правдивость художественного в способности автора незаметно овладеть нашими чувствами, эмоциями, разумом? Или в бескорыстном желании, в потребности художника видеть мир своим существом – неповторимым и уникальным; каждый оценивает мир по-своему, а почему мы взгляд одного человека на ту или иную вещь называем правдивым, а взгляд другого – ложным, когда от разности взглядов – поиск, движение? Не убивать же человека, если он видит то, чего другим не дано увидеть? Или убить? От зависти? Сохраняя безопасность?.. Один мой товарищ говорил, что художественное – попытка объяснить свой ум, понять его и самого себя, что произведение – это одно из дерзновений на преодоление времени и смерти, что художественное – это то, к чему через человека стремится природа, потому что сама она не художественна. Я думаю иначе, но сейчас не будем говорить об этом. Задумывайтесь над различными, даже хорошо вам известными и понятными словами, и вы поймете, что каждое слово бездна, неоднозначно, и порой ни за что не постигнешь его сути, а постигать-то нужно... – улыбнулся он.

Я не задаюсь целью описать весь урок. Кое-что из сказанного им я успевал автоматически заносить в блокнот, и у меня сохранились эти записи. Перечитывая их, я подумал, что в тот первый урок он ничего такого необычного не сказал, хотя говорил много, делая, казалось, лишние отступления. Но в бесконечных вопросах, которые он задавал, звучало одержимое стремление знать что-то, обладать чем-то, и создавалось впечатление, что на многие вопросы ответить мог бы он один.

Каждый урок он начинал по-новому, я часто присутствовал у него в классе и со временем понял, что основной его прием – не использовать никаких педагогических приемов.

Произведения он помнил отлично, и когда цитировал – навевал атмосферу далекую, но переживаемую всем существом вашим. Что и говорить, владел он аудиторией легко и уверенно.

А в тот день я был раздражен.

Я не понимал, зачем это желание ошеломить подростков вечными вопросами? Я испытал болезненное смятение, которое вызвало острое желание противоборствовать натиску молодого учителя.

Тот урок был необычен еще и тем, что Вековой не называл дат рождения и смерти авторов, а, описывая историческую ситуацию или пересказывая сюжет произведения, говорил в настоящем времени, что особенно поражало, и, наверное, от этого, прошедшие или вымышленные события представлялись сегодняшними, воскрешаемыми сопереживанием. Никто не заметил, как прошло время.

Прозвенел звонок, и я поймал себя на мысли, что сожалею о скором возвращении к надоевшей действительности. Сергей Юрьевич, не давая домашнего задания, вышел из класса.

Ребята, словно по команде, повернулись ко мне...

Я не проверял планы уроков, предоставив заниматься этим делом неугомонной Савиной, но нужен был предлог, чтобы высказать свое мнение, и в учительской я попросил у Векового план.

В плане стоял Маяковский. О Маяковском он говорил, но больше о революции, о разных идейных течениях, о футуристах, прочел несколько стихотворений.

Я осторожно спросил:

Вы думаете, на уроках целесообразно затрагивать проблему смерти? Сознание ребят не окрепло, а эта проблема требует большого нервного напряжения.

Вы сказали «проблема», а разве есть такая? Есть тема, которая, так или иначе, входит в программу. Например: тема смерти в творчестве Лермонтова, Блока, да и того же Маяковского, возьмите его смерть. Так что все по уставу. Говорить о любви и храбрости, делая вид, что нет никакой смерти? Смерть – итог жизни человеческой, важно задумываться о ней с детства. Потом будет поздно...

– Что поздно? – перебил я.

Поздно приобретать нравственность! – недовольно, но сдержанно бросил он и попросил разрешения идти.

Я отпустил его.

«Приобретать нравственность, думая о смерти, или выработав отношение к смерти? Так он хотел сказать?» – размышлял я некоторое время после его ухода.

Я понимал, что он попросту отмахнулся от меня, не захотел говорить откровенно. Предупредили меня в гороно – на старом месте Вековой не ужился с директором.

Были у него, значит, основания опасаться прямых разговоров и со мной.

2. На «ТЫ»

Поселился Сергей Юрьевич в четырехквартирном доме. До школы метров двести. Из окон виден залив.

Большая кухня с печкой, занимающей весь угол возле окна, и маленькая комната с письменным столом, старым комодом да парой стульев – вот и все, что у него было. Спал Сергей Юрьевич на раскладушке, каждое утро складывал постельное белье в комод, собирал раскладушку и прятал за занавеску (что-то наподобие ширмы). Книг у него, можно сказать, совсем не было, если не считать два тома Лермонтова да несколько известных романов.

Любил он порыться в старых журналах, которые мне достались от прежнего директора. Своих книг у меня мало, в основном по истории, я ему как-то предложил одну, он прочел, возвратил и сказал, что не понравилась, но взял другую, тоже по истории.

Читал без разбора, все подряд, говорил, что привык к книгам с детства, но так и не сумел выработать систему в чтении. Я потом понял, что системы в чтении у него и быть не могло, он досконально знал всю русскую литературу, помнил те имена писателей и их произведения, которые и при жизни ничего не значили, а для нас теперь и вовсе пустой звук.

Он мог беседовать о литературе часами, вдохновенно, радостно, забывая обо всем другом.

Хотя и читал многих современных писателей, редко одобрял прочитанное, а явную халтуру высмеивал до того зло, что, слушая его критику, я вздрагивал от хлестких определений – саркастичный, дьявольский тон.

Он считал, что человека воспитывает слово, говорил:

«Человеку необходимо дать вовремя нужную книгу, а вот нет нужной, есть только та, в которой пошлая ложь да казенщина. Литература девятнадцатого века не поможет современному человеку полноценно осознать себя в мире, потому что она лишь начало великого поиска Истины. Нужна новая литература – созидательная», а, как утверждал он, есть лишь десяток вполне осознанно созданных произведений.

Я давно мечтал пообщаться с человеком, по-настоящему знающим литературу. Историк литературы необходимо. Женщины в литературоведении мало смыслят; если они и знают множество произведений, течений и направлений, то крайне редко поднимаются выше красивого пересказа подлинника и материала, изложенного в учебниках, выглядят в такие моменты неуверенно: охают, ахают, запинаятся и путаются иногда до такой степени, что долгое время не могут выйти замуж. Классический пример – второй преподаватель русского языка и литературы в младших классах. Нет смысла называть ее имени, так как эта женщина хоть и примыкала к союзу Савиной, но не имела ни желаний, ни возможности возражать или противоречить методам своего коллеги, – она просто-напросто знала наизусть все учебники – и то, если они лежали перед ней открытыми. Жила она безалаберно и нерасчетливо, ее много раз жестоко обманывали мужчины – единственная тема, которую она обсуждала на валентиномарковских сходках. В дальнейшем о ней – молчание.

Поначалу отношение с Сергеем Юрьевичем у меня не ладилось.

Но после педсовета мы поняли, что нужны друг другу; может быть, нас сблизило тогда одиночество, а может, общие враги...

Так получилось, что почти все наши педагоги бойкотировали Векового, а я похвалил его.

К педсовету все побывали на его уроках и затаились, а наша завуч Валентина Марковна Савина прибежала ко мне в кабинет на большой перемене, тотчас после своего наикомпетент-

нейшего визита. Я что-то писал, извинился и предложил ей сесть, а когда кончил с бумагами, посмотрел на нее и навсегда запомнил картину истинного возмущения.

Тяжело дыша, уставившись на меня светло-голубыми навывкате глазами, Валентина Марковна, с трудом сдерживая гневное волнение, сурово заговорила:

– Вы хорошо знаете, Аркадий Александрович, я работаю в школе двадцать пять лет и давно уже вправе определять, где закладывается необходимая основа нравственного воспитания человека. Она закладывается здесь, в школе! И именно старые, верные, опытные кадры ответственны чутко и бдительно относиться ко всем авантюрным новаторствам и экспериментам. Иначе недалеко и до полнейшего растрепания молодого поколения. Да, да! Вы бы слышали, что он сейчас говорил детям о Наталье Ростовской! – Валентина Марковна строго ухмыльнулась. – Что? Да у нее, по его мнению, сексуальное влечение к князю Курагину, и поэтому она хотела уехать с ним от Болконского! Кстати, услышал из класса смешок и заявил, мол, зря смеетесь, в школах давно пора вводить половое воспитание. Так и выразился Мол, на уроках биологии в первую очередь.

– Мне кажется, он прав насчет полового...

– Кому? Им?! Да о чем вы говорите, Аркадий Александрович! Что этот юноша может понимать в половом вопросе?! Он извратит детей! Извратит и уедет, а нам потом – расхлебывай! Мы не пойдем наповоду у Запада! А что за манера рассказывать в вопросительной форме? Одни вопросы! У детей создается впечатление, что учитель ничего не знает, а кто как не учитель им может объяснить, доказать, направить!

– Не знаю, Валентина Марковна, что это за метод, но мне кажется, он продуктивен.

– В каком это смысле?

– Вот вы теперь сами задумались, почему же Наталья Ростова пыталась уйти к Курагину.

– Для меня это всегда было решено и ясно! Она просто начиталась романов!

– Я так не думаю.

Эту фразу я, вероятно, произнес насмешливо, и Валентина Марковна, холодно взглянув на меня, стремительно встала.

– Я поговорю с ним о ваших замечаниях, – утешал я ее, сглаживая насмешку. – Мы не должны резко критиковать молодых специалистов – недолго остаться вообще без преподавателей. Понимаете? Вы ведь знаете, что у Векового были какие-то неприятности в школе, где он прежде работал. Там он пробыл два года, а у нас, может быть, и того меньше.

Мои рассуждения возвратили Валентину Марковну в ее обычное состояние надменной суровости; она решила, что я защищаю Векового из соображений административного порядка, и на какое-то время ее негодующее волнение улеглось.

Конечно, так оно отчасти и было, я имел основания опасаться, что Вековой может погорячиться, плюнуть и уехать, и попробуйте тогда добиться хоть какой-то успеваемости, если, как, например, в прошлом году, на всю школу один математик, а химика полгода вообще не было. Но не только поэтому я решил похвалить Сергея Юрьевича. Уже тогда я понимал, что предстоит борьба, что за этого человека стоять буду горой и не отдам его на мелкие терзания нашим классным дамам. Понимал, но пока не признавался себе в этом.

Общественное мнение о Вековом сформировалось в кратчайшие сроки.

Основная группа, куда входили Виктория и Ксения Львовны, Анна Самуиловна Буряк и еще одна пятидесятидвулетняя математичка – безопасное, но ехиднейшее существо – и патронесса Савина, была настроена агрессивно.

На педсовете меня молча и холодно выслушали, никто из савинцев не пожелал выступать. Слово взял нейтральный Степан Алексеевич Буряк:

– Неожиданно, неожиданно, Сергей Юрьевич! Я бы сказал, ошеломляюще действует на серое вещество, да и на нервную систему ваша эрудиция. А психологический эффект! Современно, вполне современно. Однако жаль, что вы растрчиваете свои способности на таких олухов, – и он засмеялся, оглянувшись на свою жену.

Анна Самуиловна зло хмыкнула – в последние слова физик вложил особый, только им двоим понятный утонченный семейный смысл.

Больше никто не выступал, но Вековой прекрасно, разглядел истинные чувства по презрительным ухмылкам савинцев, снисходительно провнимавших моим одобрительным пожеланиям.

Из школы мы шли вдвоем.

Дул холодный ветер. Листьев на деревьях почти не было.

– Вы специально хвалили меня перед ними, – ответил Сергей Юрьевич на мой вопрос, какого он мнения о коллективе. – Думаете, что я сбегу? Я отбегался. Вы знаете, после школы я поступил в институт физкультуры, год проучился, ушел, потом армия, потом университет, где была относительная свобода, где я и нашел то, что искал – себя. Мне не университетское образование помогло, мне помогли книги, чужие мысли... А год назад умерла моя мама, вот... Пришлось меня к вам, дав, по-видимому, время для реабилитации, исправительный срок, мягко говоря. Так что бежать мне пока некуда, и вы можете крыть меня, как думаете. Я не подарочек, впрочем, вы, мне кажется, это понимаете.

Я промолчал. Мы подошли к его дому.

– Зайдемте? – предложил он.

Я согласился.

Дома он подогрел чай, и мы стали пить его из эмалированных кружек вприкуску с сахаром.

– Мне здесь очень нравится. Особенно этот ветер. Жить хочется долго-долго, когда он в лицо... С той школой я расстался не из-за конфликта, хотя положение мое было там из ряда вон. Я бы продержался, если бы... не психбольница. Глупая история. Я вам когда-нибудь об этом расскажу. И вот еще что... в вас есть желание строить.

– Что строить? – спросил я, думая, что он задал вопрос.

С ним я почувствовал себя легко, такое ощущение возникает, когда собеседник не стремится оказаться наверху, то есть не пытается испытать силу влияния своей психики на другом.

– У вас есть желание строить жизнь. Непонятно? Такое желание человек сохраняет недолго, обычно в юности у многих можно заметить, а потом затухает. Редко у кого остается до конца жизни.

Я поинтересовался, сколько ему лет.

– Я молод. Я жутко молод! Мне скоро двадцать восемь. А вам сорок девять, да? Вот видите, я угадал! И, извините, вы устали от жизни, вас преследует неосуществленность желания строить? Многие устают, покой – это ведь так приятно для тела. Мы ужасно любим свои тела, а, Аркадий Александрович? К тому же жизнь скучна, кругом немощь и лебезятничество. Куда лететь, о чем мечтать – все решено, нужно только добросовестно воплотить, а? Вы хороший директор, – успокоил он меня, – и я знаю, что после моего урока Валентина Марковна заходила к вам. Да?

– Она недовольна. Вы употребили слово «сексуальное».

– И только? Я думал, она заметит другое... Савина замужем? Ну, тогда это забота мужа. Я могу вам пересказать слово в слово то, что говорил на уроке. Не нужно? Верите? Мне? Удивительно, – он рассмеялся и подлил себе чаю. – Хотите ещё? – предложил мне.

Я отказался и спросил:

– А вы женаты или были женаты?

Он быстро посмотрел мне в глаза, желая понять причину вопроса, и уже без иронии ответил:

– Нет, я боюсь этого. Да и выбирать, искать – времени нет. Или желания? А еще, если честно, закабалить жену боюсь. Ныне в семейной жизни кабала для женщины неизбежна. Продукты, кухня, белье, деньги, дети – этому я плохой помощник, как бы ни старался помочь. Поэтому боюсь выглядеть домашней свиньей. И ожиреть боюсь. Если любить будет, то ожиреть недолго. Да и с моей натурой...

Он оборвал фразу и замолчал, чуть заметно дрожали его тонкие пальцы.

Я и на секунду не обижался на него, несмотря на первоначальный скептический тон и обвинение в пассивности; он был прав во всем...

– Вот так-то, – проговорил он и с усилием улыбнулся, – вы думаете иначе?

– Вы говорили о тех, у кого есть увлеченность делом. В свое время я тоже не спешил, но природа взяла свое – ребенок...

– Вы женаты?

– Нет. Был. Сын взрослый, живет с матерью, женат...

Мне не захотелось говорить о своей семье, нахлынули воспоминания, тоскливо стало. Избегая дальнейших вопросов, я встал, поблагодарил за угощение.

На крыльце, задержав мою руку, он попросил:

– Называйте меня на ты, я вам в сыновья гожусь. Но не при учениках и не при Валентине Марковне, – и весело погрозил пальцем.

3. Началось

С этого вечера и возникло наше взаимное притяжение.

Мне стало ясно, что вот уже много лет, а может быть, и всю жизнь я продолжал жить с тайной надеждой встретить его, встретить, чтобы заразиться Желанием жить по-настоящему, чтобы, наконец, знать – ты не один в этом многолюдном, заблудшем, ожесточенном мире.

Человек в принципе сдержанный, по крайней мере, скрывающий сокровенные переживания внутри себя, я потянулся всеми своими помыслами к Сергею, и скорее не как учитель, желающий обогатить любимого ученика многолетним драгоценным знанием жизни, а как ученик, запоздало начавший учиться умению «строить жизнь».

А сам он строил.

После его уроков ученики ходили возбужденные, апатичная атмосфера в школе день ото дня все интенсивнее будоражилась невиданными доселе спорами; спорили о литературе те, кого родители не могли заставить прочесть художественную книгу, я специально справлялся в поселковой библиотеке – наплыв читателей был явным; на переменах и после уроков ребята одолевали Сергея Юрьевича вопросами; на занятиях украдкой читались книги; на уроки по литературе напрашивалась вылинявшая поселковая интеллигенция.

Приобщая к книгам, он активизировал ребят, он помогал им в стремлении осознать собственное «я», он организовал интереснейший кружок, ребята допоздна засиживались у него в классе и дома за беседами. Конечно, были и такие, кто пытался остаться равнодушным (запущенные двоечники, пассивные от природы, себялюбивые отрицатели), но лишь по два-три в каждом классе, не больше. «И в них есть колоссальный дух, но инертный. Они очнутя, но под влиянием активного внешнего толчка», – говорил он о таких, употребляя свое любимое «но».

Выпал первый снег, и он утащил старшеклассников в тайгу на весь день. Там они и порешили ставить спектакли. Премьера первого состоялась в школе в конце ноября.

Сценарий написал Сергей Юрьевич, сюжет этой небольшой забавной пьески представлял пародию на некоторые злободневные аспекты школьного образования. В персонажах зрители без труда узнавали своих однокашников, родителей и учителей. Хохотали до колик, так, что на сцене и сами артисты ни могли не улыбаться.

Савиной и Фтык спектакль не понравился, последняя назвала его противогуманной халтурой, что даже среди союзниц Савиной вызвало придушенные улыбки. Сама Валентина Марковна умно молчала, понимая, что оспаривание сюжета породит новые взрывы смеха.

На этом спектакле играла Наталья Аркадьевна Грай, единственная из учителей, кто принял участие в театральной затее.

Я уже писал, что Наталья Аркадьевна появилась в нашей школе на год раньше Векового. Вела химию и биологию, и знала предметы замечательно, а вот уважения у учеников так и не смогла завоевать: обычная трагедия многих начинающих педагогов, особенно у мальчишек, которые порой зло подшучивали над ней, а в некоторых случаях и до слез доводили.

Наталья Аркадьевна мне как-то заявила, что настоящего учителя из нее не получится и что скорее всего ей придется расстаться с нашей школой. Мои рассуждения об опыте, молодости и здравом смысле не разубедили ее.

Жила она в большой комнате в двухэтажном доме у самого залива, плохо сходилась с людьми, ни с кем не откровенничала и ни к кому не ходила. Приезд Векового заметно повлиял на нее, она часто посещала его уроки, но своего мнения о них не высказывала и на педсовете промолчала.

Я не знаю, как Сергей Юрьевич уговорил ее участвовать в спектакле, после которого поселковым сорокам стало вдруг совершенно ясно, что между молодыми учителями завязались особые отношения. Почему ими были сделаны такие выводы? Сергей Юрьевич играл папу ученика, а Наталья Аркадьевна – маму. Других фактов у кумушек не было, но им хотелось видеть больше и пощекотливее обставить новое зуботочильное дело. Скука и мать-природа виноваты, и ничего уж тут не поделаешь...

Я бы не назвал Наталью Аркадьевну красивой. Она выглядела моложе своих двадцати двух лет, а подобное несоответствие не делает определенный тип женщин привлекательнее. Белые от природы волосы, маленькие ушки, тонкие губы, нежно вздернутый носик, редкие веснушки на щеках и светлые, непонятного цвета глаза под коротенькими рыжеватыми бровями – вот ее краткий словесный портрет. Фигура, в дополнение к сказанному, не отличалась примечательными особенностями: при небольшом росте Наталья Аркадьевна была чрезвычайно худа и, наверное, от этого ее движения не имели той плавности, которая характерна для женщин с выдающимися формами. Вместе с тем, в походке Натальи Аркадьевны не было того, что принято называть обычно мальчишеским, и, насколько я понимаю, женщины такого сложения обычно скрыто эмоциональны и больше других склонны к нервным заболеваниям.

Точно могу сказать, что до определенного времени Грай не была на квартире у Векового. А ее комнату Сергей Юрьевич впервые посетил вместе со мной.

Было у нас одно время чудесное правило: ходить к морю по вечерам, беседовать, мечтать...

И вот однажды, возвращаясь с прогулки, мы проходили мимо дома Грай и случайно заметили, что у нее горит свет. Сергей Юрьевич предложил зайти и поговорить о предстоящих спектаклях.

Комната Натальи Аркадьевны ошеломила нас безукоризненной чистотой и беспримерным порядком: какие-то хрустящие шторы перед входом, цветастые занавесочки на окне, мохнатенькие половички, кругом салфеточки, да такие беленькие, что к ним страшно прикоснуться, великолепный тюль на подушках, интимная настольная лампа в цветном абажуре, и все это пропитано тонким ароматом толи духов, толи трав с берегов Ганга. Повсюду лоск, блеск, выправка, как по ниточке – страшно ступить.

Сама хозяйка в застиранном махровом халатике, в мягких тапочках на босу ногу, со сбившимся локоном светлых волос, всматривалась в нас удивленными близорукими глазами, чудесно довершая стерильную обстановку гнездышка-комнаты.

Я объяснил причину нашего появления и, не сообразив что бы еще добавить к словам «ну и мы к вам решили нагряться», принялся суетливо расшнуровывать ботинки, сбитый с толку затянутым молчанием Натальи Аркадьевны. Бедняжка нас совсем не ждала, а тут...

– Что же вы, Наталья Аркадьевна, нас в дверях держите? Это мы ваши уважаемые коллеги. Гостей ждать нужно в любое время, а мы бы и чайку не прочь, – подтолкнув меня, заблагурил Вековой и прошел к столу.

Растерянная хозяйка покраснела до кончиков ушей, невнятно извинилась за беспорядок и присела на край стула.

– Такой с детства мне и представлялась комната учительницы, – бодро произнес я, рассматривая помещение.

Мне хотелось отвлечь Наталью Аркадьевну от бесцеремонного поведения Векового; он повел себя довольно странно: свободным шагом прошелся по комнате, придирчиво рассматривал предметы, скрылся за занавеской и громко загремел умывальником.

Наталья Аркадьевна настороженно следила за ним, а когда он показался с полотенцам в руках, заторопилась расставлять на стол маленькие чашечки для чая. Через пять минут мы пили его с брусничным вареньем.

– Вы, Наталья Аркадьевна, должно быть, мечтали о такой комнате, когда учились в институте и жили в общежитии? Голубая мечта сбылась? – нарушил тягостное молчание Сергей Юрьевич.

– Откуда вы знаете, что я жила в общежитии? – она наигранно засмеялась, а Вековой продолжал, не замечая моего осуждающего взгляда:

– И хорошего человека надеетесь встретить, конечно же, стройного, видного, умного, чтобы и на руки мог взять да и понести далеко-далеко от грязи житейской? И будете жить честно и насыщенно, в курсе культурной жизни, так сказать – с эстетикой, на гребне волны, следя, что новенького в стране и за рубежом, что ставится и какие вкусы у публики? Вон, у вас подшивки «Иностранной литературы». Они о многом говорят, Наталья Аркадьевна, о многом, – и он, отодвинув стул, подошел к полке с книгами.

– О чем же? – нахмурилась Наталья Аркадьевна.

– О! Это длинный разговор, нужно сосредотачиваться... Давайте об этом в другой раз.

– Но почему же в другой? Раз вы такой проницательный, то вам не стоит большого труда немного сосредоточиться...

На лице Натальи Аркадьевны, как в зеркале: отражалось мучительное душевное смятение, а у меня было такое ощущение, будто Вековой хладнокровно и опытно производит анатомическое вскрытие; сердце дрожало: а если бы и меня, а если и меня?..

Когда Вековой сказал о «Зарубежной литературе», Наталья Аркадьевна странно дернулась и стыдливее прежнего покраснела. Вот так неожиданно и со стороны незаметно, каким-нибудь косвенным намеком, умел Вековой определить в человеке скрытые от постороннего взгляда сокровенные стороны жизни, о которых и сам хозяин знать не хочет, которых боится, которые презирает и ненавидит, но в то же время самолюбиво опекает, бережет для самообмана или еще для чего?

– Вы, Наталья Аркадьевна, добросовестно исполняете то, что велено, а настоящее в себе давите, как мух по стеклу... Подрубаете себе крылья, а будете потом обвинять не себя, а жизнь...

Сергей Юрьевич все это произнес вполголоса, стоя у полки, небрежно листая журналы.

– Здесь все ваши эстетические идеалы, – показал он лист с многочисленными пометками, – и не только ваши. Поддаемся стадному чувству, мечтаем по комнаткам о всякой чепухе и делать настоящего не можем.

Неопределенно говорил Сергей Юрьевич, но Наталья Аркадьевна понимала его отлично, и мне было до того жаль ее, что я боялся посмотреть в ее сторону. Воспользовавшись паузой, я напомнил:

– Мы хотели о театре поговорить.

Но разговор не получился. Вековой обстоятельно изложил свои планы, просил Наталью Аркадьевну содействовать осуществлению их. Она сухо и тихо заявила:

– Я не верю, что у вас наберется нужное количество учеников, ваши планы утопичны. Да и времени свободного у меня нет.

Я подумал, что пора уходить, пока не разразилась настоящая ссора.

– Нам пора, Сергей. Поздно.

Наталья Аркадьевна не решилась нас удерживать, до последнего момента она ждала новых выпадов Векового.

На улице он сказал мне:

– Так и устраиваются люди, думают, что своим образом жизни и наличием радужных мечтаний они выделяются среди остальных, а на самом деле сидят в коробочке – наполняются бездейственным эстетизмом, любят себя со стороны и себялюбиво восхищаются: все живут скверно, в быдлчестве, не как подобает образованным людям,

а я не такой – гуманный, приношу добро, я живу, а не они. Глупо!

Ограниченно! И пошло. Добра они не приносят, потому что беспомощны и служат объектами насмешек для тех, кто просто физически может постоять за себя, за свои физиологические права потреблять и размножаться. Но и те, и другие проживают жизнь зря. Иногда стоит внимательно посмотреть, как человек устраивает свой быт, чтобы понять, откуда что взялось. А я-то думаю, почему она такая вялая? У нее оказывается – запросы! Лишних людей в природе нет и в обществе тоже. Есть самоотстраняющиеся, в принципе, тот же инстинкт самосохранения, и неполноценные...

После этого посещения он, к моему удивлению, несколько раз побывал у Натальи Аркадьевны и однажды сообщил мне, что выложил ей все, что о ней думает.

– И это повлияло! – радовался. – Я уверяю вас – повлияло, хоть мы и поссорились. Если хотите убедиться, через месяц зайдите к ней, нет, через неделю – прежнего порядка уже не будет! Нет, я не то что бы... Я за порядок, но я против мещанства.

Я заметил ему, что он самодовольничает.

– Почему же? – возразил Сергей Юрьевич. – Я попросту знаю, каким людям можно сказать все, что о них думаешь, а каким говорить нельзя, поздно. Есть такие – за разоблачение бить станут – привычки и рефлексы дороже всего. А Наталье Аркадьевне лучше будет. Я с ней обязательно помирюсь, вы не переживайте.

Они действительно скоро помирились. Наталья Аркадьевна начала принимать в постановках и организации спектаклей активнейшее участие, всех тормошила, бегала по классам, предупреждая ребят о репетициях, спортом занялась, ходила по вечерам на волейбольную секцию.

Все это легко объяснялось тем, что и Сергей Юрьевич вечера проводил в школе, он то и дело что-нибудь затевал с ребятами: то кабинет оформляют, то устроят читки книг, то просто беседуют о чём угодно. Эти беседы обычно оканчивались громоподобными спорами, которые к следующему дню доказательно разрешались с помощью книг, цифр или живых авторитетов. Я тоже иногда участвовал в спорах и с удовольствием замечал, что у ребят постепенно появляется умение доказательно мыслить. А еще недавно они и говорить толком не умели, на уроке поднимешь, спросишь, а ответ из трех-четырех слов.

Сергей больше всех радовался происходящим изменениям, он без конца хвалился успехами своих театралов, а я, слушая его, специально, чтобы вызвать новый прилив красноречия, недоверчиво кивал головой и посмеивался.

Жизнь бурлила вокруг него, уступая силе, которая ему самому не давала покоя; энергия этой силы приводила людей в состояние замешательства, беспокойства и сомнения.

Все жили в напряженном ожидании: завтра будет нечто новое, экспериментальное, и для завтрашнего дня нужны бодрость, ум и знания.

Ребятам такое напряжение шло на пользу, они быстро научились ценить будущее, беречь для него силы. Консервативный же ум многих наших педагогов не имел той детской гибкости, что дает возможность видеть в новом ценное и полезное. Но этот серьезный недостаток не мешал нашим дамам готовить крупное педагогическое сражение.

Савина и К°, постоянно используя малейшие промахи Векового, старались «раскрыть мне глаза» на «безответственное поведение этого молодого человека». Впрочем, от имени остальных со мной беседовала одна Савина, которая и твердила о «возмущенном общественном мнении», о тех последствиях, которые мне после скорого бегства Векового «придется разделить», о «вконец разболтанных подростках» и пр. и пр.

Остальные «возмущенные» до поры помалкивали, помня, что сами имеют достаточно грешков, на которые я могу при необходимости сурово указать. И им приходилось досыта, втихую, набалтываться о «развращенности и пагубном влиянии» Векового. Заходя в учительскую, я заставлял там доблестных дам в самой что ни на есть боевой словесно-эмоциональной форме. Увидев меня, они, естественно, смолкали, но по довольным, оживленным лицам можно было легко догадаться, что единодушия и взаимопонимания наши оппозиционерки достигли полнейшего.

У нас узаконилось, что Савина и К° считали учительскую своей резиденцией, здесь вырабатывалась стратегия и тактика, сюда поступали сведения о противнике: местонахождение, внешний вид, форма деятельности, манеры, речь, фамилии присутствующих...

В учительскую я стал заглядывать лишь по крайней необходимости. Сергей Юрьевич напротив – разыгрывал роль слепого; расспрашивал савинцев о делах, делился своими впечатлениями, даже советовался, чем и вызывал у неприятеля еще большую ненависть.

Каким-то подпольным образом савинцы разузнали, что Сергей Юрьевич лежал в психбольнице. Им не были известны причины, по которым он туда попал, да и был ли он там точно, они наверняка не знали, но твердо верили, что был, и теперь «еще непреклоннее убедился в своей правоте каждый здравомыслящий человек» – как конфиденциально заявила мне Валентина Марковна.

– Вековому категорически противопоказано доверять детей! Ему-то не придется отвечать, отвечать будем мы, Аркадий Александрович! – вперившись в меня убедительным взглядом, заключила она.

– Но, Валентина Марковна, откуда вам стало известно, что Вековой лежал в той больнице? Источники вполне верные. Я не могу назвать имя, так как давала слово этому человеку... Но уверяю вас, Аркадий Александрович, я сплетен не собираю и собирать не собираюсь. А Вековой серьезно болен! Психически!

По всему было видно, что прошло несколько минут, как она узнала эту новость.

– Видите ли, Валентина Марковна, когда человек попадает туда, – я сделал выразительный жест, – его медики держат на учете и, естественно, если ему нельзя заниматься педагогикой, то он и не будет ею заниматься, по крайней мере, официально. У Векового документы в порядке, вы понимаете? Вам прекрасно известно, что я не люблю

голословных обсуждений кого бы то ни было, и хочу вас попросить, чтобы вы впредь не жаловались на Сергея Юрьевича по пустякам.

Валентина Марковна не сдавалась:

– Но он не соблюдает учебную программу! Он не дает заниматься ученикам по другим предметам! Культ какой-то! А что за разговоры затеваются по вечерам в кабинете литературы? Разложение! И очень странно, что вы его защищаете, может быть, он как-то одурманил вас, завоевал вашу симпатию... Но если вы, Аркадий Александрович, будете потакать его антипедагогическим опытам, то... пусть мне будет хуже... – Валентина Марковна выдержала значительную паузу. – Да, хуже! Вы имеете власть... но я буду добиваться отстранения Векового от педагогической деятельности!

Ее заявление, явно заранее отрететированное, вывело меня из себя:

– Как вы смешны, боже, как вы смешны, Валентина Марковна! Вы что думали, что я испугаюсь? Вековой открывает ребятам глаза на мир, на историю, он учит их жить красиво, с целью,

с мыслями, он учит их, в конце концов, быть людьми! Людьми, понимаете? Нам только снится могли такие учителя! Боже, какое невежество! – спешил я, соскочив со стула. – Вы живете какими-то зазубренными понятиями о человеке и об обществе. Поймите, он детей заставляет разумно сомневаться в той белиберде, которую мы тут с вами до него несли. Он учит их искать истину, а мы их делаем автоматами! И теперь вы вредите, а не он! Вы палки в колеса истории вставляете!

Я задохнулся испуганием. И откуда у меня этот образ колес истории выскочил? Минуты две я, успокаиваясь, смотрел на нее, думал, что уйдет. Но Савина продолжала деревянно сидеть, тарабаня по столу сухими пальцами. Я пришел в себя и ясно проговорил:

– Мне на Векового больше не жалуйтесь. Я не мальчик, сам могу разобраться, и если нужно будет ответить – отвечу, не пугайте. А если и теперь ничего не поняли, то, увы, не судьба!

Зря так бурно я сорвался, моя речь несколько не охладила и не вразумила Савину, наоборот, словно в атомном реакторе, в учительской вызревала критическая ситуация.

Взрыв был неминуем.

4. О самодурстве и любви

Почему они невзлюбили Векового?

Редкий, яркий талант – вот единственная причина их тщедушной ненависти.

Обычно молодые, женщины, в отличие от своих сверстников-мужчин, открыто и искренне ценят оригинальный талант, а с возрастом, обременяясь профессиональным опытом, врасая в корсет житейских убеждений, многие лица и того, и другого пола, а особенно те, кто считает себя незаменимым специалистом, знатоком жизни, всячески стараются препятствовать любому дерзкому начинанию. Вынужденная переоценка ценностей в пользу защиты прожитой жизни, высмеивание юношеского максимализма с позиций здравого смысла, а главное, бездарность – вот что неминуемо вызывает косность и зависть по отношению к способному коллеге. У женщин за сорок снисходительное отношение к таланту вы можете наблюдать сплошь и рядом, да и осемьяненные мужчины в последнее время не составляют исключения. Впрочем, я отклонился.

Не стоило мне рассказывать о конфликте с Савиной Вековому, но я привык делиться с ним всем, и в тот же день Сергей Юрьевич узнал, что «всплыла психбольница».

– Это самое неприятное, а все их шушуканья – чепуха, – задумался он, – мне они навредить не могут, вам разве, Аркадий Александрович, вы бы меня не защищали? Я молод, а вы... Ну, не обижайтесь! Я неудачно пошутил. Черт с ними! Мамонтовцы, сталинцы, савинцы – мало ли? А вы, я слышал, тоже меченый? Вас, говорят, выслали... выжили из Подмоскovie за планы, и еще вы, кажется...

– От кого ты слышал?

– Ну, Аркадий Александрович! Вы задаете ненужные вопросы. Вспомните, чуть успел я появиться в поселке – мой драгоценный интим в мгновение ока стал общественным достоянием, а вы здесь, слава Богу, не первый год. Наши дамы наверняка знают цвет ваших пяток, не говоря уже о буйном прошлом. Из верных источников узнал, извините, фамилии назвать не могу – дал слово, – разводя руками, по-савински заключил он.

Я коротко рассказал ему свою историю.

Да, действительно, в свое время я пришел к закономерному выводу: составлять планы уроков необходимо начинающим учителям, да и то первые один-два года. Мы загнаны в тиски жестких формалистических требований, которые не дают заниматься творчеством, то есть планировать свой урок не заданно, а произвольно, в зависимости от мышления и знаний учителя, сложности темы и индивидуальности учеников. Не секрет, что учителя перегружены «общественными обязанностями», контролем людей, которые зачастую никогда не имели собственной педагогической практики или имели ее при царе Горохе.

Бумаги, бумаги, в которых из года в год одно и то же – планы, графики, схемы, методички, отчеты, программы – забивают сознание – и вот, из не особо жаждущего настоящей деятельности молодого человека, при постоянной неустроенности и мелочных материальных заботах, вылупливается в лучшем случае усталый скептик, в худшем – активный циник и приспособленец, насмешливо, но непреклонно возводящий бумагу и властное слово на ней в орудие, с помощью которого, так или иначе, можно добыть средства для существования.

Выпущены сотни учебников, но то, что на уроках преподносят учителя, чаще всего жалкая пародия на истинный процесс обучения.

В книгах есть все – благородство и мудрость, красота и примеры, главная задача в том, чтобы заинтересовать, зажечь учеников, научить их умению общаться с книгой, зародить в сознании уважение и любовь к знаниям.

Учителя (вдумайтесь) не свободны в определении своих сил и способностей! Тогда кто же ученики? И есть ли учителя?

Я много спорил, доказывая на фактах, разоблачал формалистов и, наконец, отказался вести планы. Этот отказ совпал с еще одним конфликтом, после которого директором было официально заявлено: «Или я или он».

Суть этих разногласий в следующем: директор решил основательно угодить, поставить обучение таким образом, чтобы большинство учеников (как максималист он говорил «все ученики») шло на завод и стройки простыми рабочими и обязательно целыми классами.

Для обработки масс в коридорах и классах повесили гирлянды крикливых лозунгов и плакатов, срочно расширили производственные мастерские, поступила безапелляционная инструкция настойчиво пропагандировать «простой, но благородный труд рабочего», неустанно воспитывать у подростков «рабочее сознание». Новая затея развернулась во всю ширь, нужно было на уроках биологии внушать, как полезно и необходимо физически трудиться, в доказательство, выдвигая тот факт, что постоянный физический труд создал из

обезьяны человека. И на английском дети пищали о стройках и заводах, составляли топики, как нужно укладывать кирпичи и штукатурить стены; а я всю историю развития человечества должен был рассматривать как трудовой процесс, приведший людей к торжеству прогресса.

– Вы им рассказываете, что Петр Первый был и плотником, и каменщиком, и... так далее, кем он там еще был? А смог бы он укрепить Россию, не занимаясь физическим трудом? Это же так ясно! Тысячелетия трудились крестьяне и пролетарий. А трудовые примеры в годы первых пятилеток строительства социализма! Вот и проводите подобные параллели, вы же умный человек, – поучал меня директор.

Наши бойкие учителя литературы тем и занимались, что без усталости вдохновенно изображали, как Павлик Корчагин потерял последнее здоровье на стройке узкоколейки. Чуть ли не еженедельно проводились субботники, но что самое печальное – сверху одобряли всю эту затею, меня же, за противление общественным идеям, за недисциплинированность и аморальность директор тактично уволил и, не найдя законной защиты и нового места, я был вынужден скоростно уехать.

Вековой выслушал меня внимательно, не перебивая.

– Самодурства везде хватает, – сказал он, когда я закончил. – Вот иногда думаю: откуда оно берется в новых поколениях, когда достаточно примеров в прошлом? От неграмотности, что ли? Тут еще и тщеславие, конформизм, как вы думаете?

– И это, но я заметил, что самодурство свойственно тем, кто не имеет собственных мыслей и от этого приспосабливается к любым требованиям, трусливо преклоняется перед властями. И что интересно – образование тут роли не играет. Так легче быть сытым.

– Но в наше время сыты все!

– Но качество пищи относится к понятию сытости, – произнес я дикторским тоном.

И мы рассмеялись.

Настал черед Векового рассказывать о конфликте в прежней школе.

В отличие от меня, он не воевал с директором, а самозабвенно увлекал ребят литературой, походами, спорами и театром. Его поначалу хвалили, но вскоре забеспокоились, заметив, что ученики становятся «больно языкастыми»; закрыли театр, потребовали исполнения программных требований, а после того, как один из старшеклассников на школьной линейке выступил в защиту Векового и три класса несколько дней в знак протеста не посещали школу,

Сергея Юрьевича – «тайного и непосредственного организатора бойкота» – срочно перевели к нам.

– Новый адрес я так и не послал ребятам. Переписка – это уже не то. Они растут, – вздохнул он.

Я теперь с грустью вспоминаю наши чудесные вечера, наши долгие разговоры.

Чаще всего Вековой приходил ко мне поздно – часам к девяти-десяти. Вечером он занимался репетициями спектаклей или вёл литературный кружок.

В те дни и я был по-хорошему занят, у меня созрела идея написать небольшую работу по истории. Давно я собирал материалы периода предвоенных лет. Пришло время чернил и бумаги. Необычайно увлекшись работой, я старался по окончании уроков побыстрее попасть домой. Покорпев над черновиками, обязательно к девяти часам я ставил на плитку чайник, резал хлеб, словом, обставлял всем необходимым для легкого ужина стол и ждал Векового. Иногда он приносил свои ранние рассказы, я читал, хвалил, а он говорил:

– Разрываюсь я между двух огней.

В декабре, примерно перед самым Новым годом, он пришел ко мне явно расстроенный. Ему не сиделось на месте, я предложил прогуляться.

Мы молча прохаживались. Тоненько и сухо поскрипывал снег под валенками. На небе загорались яркие зимние звезды.

Сергей Юрьевич закрылся от ветра воротником своего потертого полушубка и шел чуть впереди меня.

– Знаете, сегодня произошла странная сцена. Наталья Аркадьевна, как это сказать, ну, понимаете, призналась в любви, – он остановился и посмотрел на пробегающих мальчишек. – Мне совершенно ни к чему эта... это повторение. А я еще пошутил нелепо, говорю: да, Наталья Аркадьевна, вы выросли, а язычок у вас детский. Вы заметили, когда она волнуется, то языком по губам водит?

Я молчал. А что я мог сказать? Вот, мол, Наталье Аркадьевне пора замуж, да и тебе, Сережа, женская забота не помешала бы. Глупо.

Он заглянул мне в глаза и улыбнулся.

– Ну, допустим, она любит меня. Но она произнесла свои слова с таким чувством, будто я ей остался должен. Ну, любят люди, нет же, стараются добиться полнейшего – женитьбы, – пытался шутить он, взяв меня под руку.

Мы вступили на узкий тротуар, соединяющий две части поселка. Здесь не было столбов с лампочками. Редкие куцые силуэты лиственниц на очищенной от снега земле, вспученной темными мистическими буграми кочек.

– Физиология, всевластная физиология. Любовь – дар, редкость. По-настоящему гармонично любят безвестные, те, кто живет как на празднике, жадно поглощая энергию любимого. Их любовь не поддается описанию, потому что описывать, в сущности, нечего, они – единое целое, единое существо. Знаете, иногда мне радоваться страшно. Слишком много гадкого мира. А любовь, бывает, затмевает правду.

Потом мы шли молча, ветер усиливался, и звезды меркли – одна подрожит, подрожит и гаснет, за ней другая, третья. Ветер все настойчивее, все грубее завывал в трубах, все наглее лез под одежду. Большая снежная туча двигалась с востока на поселок.

Мы повернули обратно. Теперь снег летел прямо в лицо.

– Я о правде! – закричал Вековой. – С ней так же трудно жить, как с красивой умной женщиной. Такая женщина требует постоянного внимания, о ней необходимо самоотречение

заботиться и, что самое важное и обидное, – стараться не выглядеть дураком и не показывать слабости. Ваша жена была красивой?! – донес ветер его вопрос.

– Мне теперь трудно судить! – ответил я криком.

Пока мы добрались домой, разыгралась пурга. Одурманенный ветром снег – жесткий и колючий – дико и яростно метался по вспененным сугробам, по стонущей земле, слепо тычась в дома и изгороди.

– Вальпургиева ночь! – кричал весь белый Вековой. – Нельзя представить космический хаос, не видев настоящей пурги, да?!

Продрогшие и возбужденные, мы ввалились в дом.

Какое блаженство – хлебать горячий чай, обжигая озябшие красные пальцы о стекло стакана, когда, сбросив заледенелую одежду, усядешься у раскаленной дверцы печки и с каждым глотком счастливо чувствовать, как в тебе медленно и сладко расширяется живительное тепло! А за окном – убаюкивающий голос равнодушной к тебе пурги.

И Бог с нею, нынче она создает атмосферу уюта и благодушия. Радостно! Желанно! Вечно!

Вековой в трусах нежился на стуле, шумно дул в стакан, улыбался, вспотевший, просветленный.

– Я почти всю жизнь провел в городе. Нет, вру, в армии был в деревне, но там, конечно, ничего подобного не было. Всегда мечтал о таких зимних вечерах с печкой: сидишь себе в буран, подбрасываешь душистые поленья и наблюдаешь, как их трескуче и жадно глотает языкастый огонь, и чай под думу долгую или беседа – все как теперь, и спокойно на душе, благоуханно.

– Давай выпьем? – я закутался в плед, достал из подполья початую бутылку простенького коньяка, плеснул в стаканы, и мы дружно выпили, помолчали...

– Все думаю о любви. Страстная любовь – это губительно, хочется унизиться, даже счастлив унизиться, а отвергнут – комплексы появляются, не каждому подняться... Самая распространенная форма любви – влечение физиологий, в принципе, ее по незнанию и называют любовью. Любовь – нечто большее, в ней, если и унижение, то разумное, гордое... Что бы вы сделали на моем месте? Я о Наталье Аркадьевне?

Первым порывом было желание пошутить, сказать: женился бы, если бы да кабы... Но, увидев его серьезный и доверчивый взгляд, я мягко парировал:

– Мне не быть на твоём месте, Сережа. Года не те, да и на подобные ситуации... сколько ни живи, опыта не наберешься. У каждого по-разному.

– Да, да, вы правы... Вот я все думаю: нужно иметь семью и работать, оставаться деятельным, писать поэмы. Проверка на истинность, на искренность. Да, так и должно быть. Но с кем? Мне однажды признавались в любви. Это особый случай, хотя бы потому, что девушки редко признаются первыми, а мне и подавно. Почему? А вы присмотритесь. У меня внешность полубандитская, не внушает доверия, да и льстить я не умею, а тогда не до нее было... Хотите, расскажу?

Я кивнул и он, глядя в огонь, рассказывал:

– Учился я тогда в университете на втором курсе. Жил дома, вернее ночевал дома, а все остальное время проводил в общежитии у ребят или в библиотеке. Меня после неразберих первого курса, с первыми солидными выпивками, непривычной сессионной суетней, поверхностными знакомствами и идейными спорами, осенило – необходимо читать, бесконечно читать, чтобы разобраться, куда же топает человечество и куда мое страдальное «я» устремляется? Я всегда читал много, я тут совершенно чокнулся, похудел, стал чахоточно кашлять, и моя

суровая мама, перепугавшись, решила не выпускать меня из дома, запирала в комнате, чтобы после обеда в ее отсутствие никуда не уходил. Но я сделал отмычку и убежал. И вот...

Сергей Юрьевич задумался, отхлебнул чаю, опустил ноги со стула, звонко ударил по коленям, как будто подстегнув себя этим, заговорил еще быстрее и громче.

– Сiju как-то в университетской библиотеке, читаю Толстого, отключился от мира сего, и вдруг девичий шепот: «Я вас люблю!». Вижу, рядом белокурая девушка виновато улыбается и так смущенно смотрит на меня. У нее, у Лизы, как потом она представилась, был замечательный взгляд – всегда с еле заметной грустинкой и ожиданием чего-то удивительного, что вот-вот произойдет и восхитит всех или кто-то одарит ее... Она была некрасива, это точно, но очень женственна, и одевалась, как школьница – всегда с какими-то бантиками, аккуратно и просто. Ну и вот! Я, наверное, криво усмехнулся, потому что выражение ее лица резко переменялось, сделалось решительным. «Пусть я глупо поступила. Знайте, что я хожу в библиотеку каждый день уже два месяца ради вас. Я знаю, где вы живете, как вас зовут, как учитесь, что читаете, я все-все про вас знаю», – эти слова она протараторила почти в полный голос. «Ну и что? Что же нам теперь делать? Если хотите вместе читать, приходите и садитесь рядом. Больших развлечений я вам предложить не могу». Говорил спокойно, а самому лестно, приятно – признание, о тебе всё знают, тобой интересуются, следят! Я промучился с ней две недели, говорил о прочитанном, о жизни, о будущем, о чем только не говорил, болтун!

Сергей Юрьевич вздохнул. Я встал и подбросил дров в печку; он задумчиво наблюдал, как я шурудил кочергой в углях, и когда я сел на место, продолжал спокойно и тихо:

– Мы с ней каждый день читали за одним столом. Я одно, она другое. Правда, читал больше я, она наблюдала за мной, и ее проникновенный взгляд отвлекал, расхолаживал меня. Неуютно я себя чувствовал, стыдился. Она это видела и все равно приходила. Тогда я сказал, что такие свидания глупы и бессмысленны, что я не люблю ее. Сказал резко. Она и отравилась.

– Отравилась?!

– Ну, как это у них бывает – наглоталась таблеток, но успели откачать. Я узнал об этом через месяц. Она не приходила, я думал, что повзрослела или разлюбила, и вдруг получаю письмо: «Ты не полюбил меня, и я, наконец, поняла, как все было глупо, зря я открылась тебе...», «я специально выхожу замуж, чтобы быть такой, как все... люди дурнее, чем я думала... и все-таки спасибо тебе, я буду помнить наши свидания» и так далее в том же духе. Мне поначалу хотелось найти ее, «спасти» что ли, но я передумал, несколько раз встречал и не здоровался. Вы не подумайте, что я совсем тогда не замечал женщин, нет, замечал – независимо от своего желания пренебречь влечением, но боролся с собой, воспитывая себя, решил не растрачиваться на общедоступное. Я был очень занят собой, линиял... и боялся ее, знаете, чувствовал, что она готова на все, а я сосунок еще и дать-то ничего не дам... Глупая история, да? Теперь я думаю – не нужно было с ней так грубо. К тому же через полгода я понял, что мог по-настоящему убить Лизу. Она, в отличие от меланхоличных и эгоистичных несостоявшихся самоубийц, была чиста в своих чувствах. Потом я искал ее, но безрезультатно: она бросила учиться, куда-то уехала, говорили, вышла замуж, разошлась, не знаю... Остались одни воспоминания, и они почему-то, чем дальше во времени, тем дороже становятся... но это уже сентиментальность.

Я разлил остатки коньяка, мы выпили, и неожиданно в сильном побуждении он прошептал:

– Самое удивительное, через два года читальный зал отомстил мне! Понимаете?!

Естественно, я ничего не понимал.

– Я был на ее месте! Был!

Слезы заблестели у него на глазах, опомнившись, он вытер их ладонью.

– Я вас испугал? Зря я затеял этот разговор. Потом... Поздно. Я пойду.

Я, разумеется, его не отпустил, и он остался ночевать, согласившись лечь у печи на раскладушке.

– А вы знаете, Аркадий Александрович, я эту историю выдумал. Сам не пойму для чего. Подобное было, но не со мной. Меня с первых взглядов не любят, – чем-то довольный, сказал он, когда я принес из комнаты постель.

Заметив, что он следит за реакцией на это неожиданное и не вполне уместное признание, я не нашел что ответить, буркнул: «Ну и ладно», – и взялся стелить постель.

– Славно натопили. Хоть кости погрею, как старый дед, – миролюбиво улыбнулся он напоследок.

Через десять минут я неслышно прокрался на кухню. Он спал: на левом боку, подтянув обе коленки к груди, не укрывшись одеялом. Я задвинул печную заслонку, посмотрел на его усталое, побледневшее лицо, поправил одеяло и тихонько закрыл дверь.

«Про то, что отомстил ему читальный зал, он не лгал, а как отомстил – можно лишь догадываться, – размышлял я, засыпая. – С какой болью он произнес последние слова! Жестокая боль, через край. У меня такого не было, хотя и есть что вспомнить. Ничего – время лечит...»

А за промерзшими стенами по-прежнему бушевала пурга, ветер гудел монотонно и уверенно; где-то вверху на крыше зацепившаяся за телефонный провод палка то недоуменно, то тревожно колотила по бедному шиферу, аккомпанируя убаюкивающей мелодии ветра.

5. Трудовоенчерпий и пощечина

Я с умыслом не упоминал об одном из учителей нашей школы. Пришла пора и ему предстать перед читателем. Иван Павлович Рясов, тихий и незаметный мичман в отставке, моя правая рука, бескорыстный помощник в любых хозяйственных делах школы, человек-универсал, так его между собой в шутку называли я и Сергей Юрьевич. Иван Павлович вел уроки военного дела, черчения и труда. Когда-то очень и очень давно он действительно какое-то время служил во флоте, а теперь лишь изредка вспоминал морские термины, но на занятия по военной подготовке обязательно являлся в форме, чего, собственно, от него никто не требовал. Я не помню случая, когда бы Иван Павлович опоздал на свой урок; ни в какие склоки и интрижки он никогда не вступал и до приезда Векового был единственным человеком, с которым я мог говорить без опаски, откровенно.

Жил он с женой и взрослым сыном – деятельным, работающим парнем, мастером засольного цеха. Сын мечтал о легких деньгах, кооперативе и собственной машине, и эти мечты невзлюбил Иван Павлович, заметив, что отпрыск «без огонька и любви трудится, предает себя». Ругался Иван Павлович с единственным сыном, доказывал, увещевал, а потом рукой махнул – «живи мамиными мозгами».

Мог Иван Павлович честно и открыто свои мысли выложить, за это и уважал я его. Водился за ним грешок, непростительный для любого педагога, ему же легко сходящийся с рук.

Суть этого грешка в том, что человек-универсал постоянно был навеселе. Но он настолько привык к малым дозам алкоголя, употребляемого в продолжение дня ровно пять раз, что ученики, не зря предполагавшие, что их добродушный Трудовоенчерпий (прозвище мальчишек) «не дурак выпить», все же не могли уловить запаха спиртного. С поличным Рясова никто не ловил, я подозреваю, даже супруга.

До сих пор не могу понять, как ему удавалось снабжать себя спиртным после введения в крае лимита на водку. В часы ее выдачи Ивана Павловича никогда не видели в магазине.

Я давно догадывался о хитростях военрука, на первых порах пытался его уличить, но не смог, а вскоре отказался от этого административного намерения, так как, еще раз повторяю, Иван Павлович всегда находился в самом надежном и безопаснейшем психофизическом состоянии и, пожалуй, вел себя благоразумнее иных «безалкогольных» коллег.

Одному Сергею Юрьевичу удалось узнать маленькие секреты Ивана Павловича.

Из Средней Азии, кажется, присылали ему специальную смесь трав – маленький кусочек засушенного чуда начисто отбивает запах алкоголя, а водку ему поставляет старый друг-однополчанин, проживающий в городе; словом, дело было поставлено на методах строгой конспирации и оперативности.

На уроках Рясова ребята чувствовали себя вольготно и непринужденно, но старались не перегибать палку и материал усваивали неплохо.

Иван Павлович действительно умел и любил мастерить: от простой табуретки до сложной модели корабля или самолета.

Отремонтировать телевизор? Пожалуйста! Сложить печь? Можно. Запросто! С чего ради не сделать?! После этих слов молча берется за дело.

Конечно, большую часть свободного времени ему приходилось тратить на сколачивание стендов, на ремонт парт, табуреток и дверей, на вставление стекол и замков, но и простую, несложную работу он делал основательно и добросовестно, так же, как клеил бы миниатюрнейшую модель. А сколько он навыврезал пистолетов, сабель и мечей! Разве могли мальчишки не уважать его после этого?

Настоящее знакомство Сергея Юрьевича с человеком-универсалом произошло в новогоднюю ночь, после необычного, потрясшего многие умы события, для изложения которого нам придется на время расстаться с Трудовоенчерпием...

Перед Новым годом я основательно простудился, кашлял до крови и сидел дома, глотая таблетки, паря ноги, радуясь болезни, которая дала возможность продолжить работу над историческими изысканиями. Немного огорчало то, что подготовка к большому ответственному празднику и сам праздник пройдут без моего участия.

Мы с детства влюбляемся в Новый год – в этот чудесный триумф запахов, радужного света, хороводов, масок, бенгальских огней, шампанского и веселья. Мало у нас осталось добрых праздников; слава Богу, сохранили этот – вечный праздник детства и старости, рождения и смерти, печали и любви...

Но для должностных лиц любой праздник имеет еще и обратную сторону – не луны и не медали, а – веселья.

Я болезненно вспоминал, как в прошлом году мне пришлось разнимать драчунов, не поделивших одноклассницу, и вылавливать в коридорных закутках курильщиков. Один из учеников напился тогда до свинячьего состояния. А агрессивные поселковые денди?

«Не обойдется и нынче без казусов», – тоскливо вздыхал я.

Но ничего не поделаешь, оставалось надеяться на бдительность Савиной и заверения Сергей Юрьевича, что «все будет нормально». Он обещал заскочить к двенадцати часам, «сдвинуть бокалы за новые судьбы», и я на него полагался.

Приготовления к празднику шли по заранее определенному, годами отрепетированному плану.

Рясов со старшеклассниками приволокли из лесу огромную разлапистую елку и, порядком помучившись, установили ее посреди спортзала. По школе мигом разлетелись зеленые везочки, и в каждом классе гулял праздничный хвойный аромат. Десятиклассники, ответственные за проведение вечера, украшали зал и елку; пионервожатая репетировала с Дедом Морозом и его свитой; детвора шмыгала в зал и обратно в предвкушении игр и подарков; вечерами в классах фантазировались костюмы, придумывались смешные номера; и к тридцать первому все было готово: вымыты полы, украшен зал, подобрана музыка, назначены ответственные за дежурство по этажам и закуткам, приготовлены подарки и выполнены прочие не менее важные для порядка и торжества мелочи. Поселок замер в ожидании.

Каждый вечер о новогодних приготовлениях мне обстоятельно рассказывал Вековой – вездесущий, не знающий покоя, веселый и озабоченный.

Звонила Валентина Марковна, советовалась, не забывая вскользь заметить, что Сергей Юрьевич допускает недопустимые вольности: готовит невероятный огненный фейерверк и может запросто спалить всю школу, и что ученики вытворяют невероятное и слушаются одного его и делают все, как он скажет.

Я справился у Векового, и оказалось, что фейерверк действительно будет, но безобидный, а за безопасность затеи поручилась сама Наталья Аркадьевна, которая и предложила великолепный состав смеси, а на крайний случай приготовлены два новых огнетушителя и к ним прикреплены проинструктированные надежные ребята. Разумные доводы меня вполне успокоили.

И вот, наконец, наступил последний день старого года; с этого момента я буду передавать события со слов Векового, потому что, как вы понимаете, я не был непосредственным участником злополучного вечера.

Тридцать первого декабря Сергей Юрьевич из школы не уходил; пообедав в интернатской столовой, он поднялся на второй этаж и до вечера что-то писал в кабинете литературы. Около восьми он появился в зале, куда быстро стекался пестрый школьный люд; старшеклассники держались напряженно и напыщенно; поселковая молодежь – недавние выпускники – сгруппировалась в дальнем углу, поближе к магнитофону и усилителям; выделялись учителя, нарядно одетые, они по-хозяйски осматривали зал, поспешно отвечали на частые поздравления; пришли и родители, вскоре замелькали маскарадные маски; появились ряженые – первый признак праздничной раскованности и непринужденности; но еще какое-то время общество продолжало делиться на небольшие кучки, обособленно толпилось у спасительных стен и вело нарочито оживленные беседы; молодые франтоватые личности сновали из классов в зал, им ласково и настороженно улыбались учителя. Зазвучала тихая музыка. Зал немного оживился. В общем, все как обычно.

И как всегда, выбрав момент, ослепительная Ксения Львовна (ответственная за культурно-воспитательную работу) плавно выплыла к елке. Великолепно поставленным голосом она предложила пригласить Деда Мороза. Робко позвали, потом осмелели, подбодренные призывами и энергичными жестами Ксении Львовны, и Дед Мороз появился, стуча по полу огромной палкой, театральным басом приветствуя собравшихся. Несмотря на тушь, толстый слой губной помады и бороду, публика тотчас узнала самоуверенную Викторию Львовну Фтык, в чем нет ничего удивительного – Виктория Львовна, как это прекрасно знал поселок, малость шепелявила.

Побасив и поюморив, наш бессменный внештатный Дед Мороз взмахом руки зажег елку. Свет погас, засверкали гирлянды огней. Все суетливо оживилось, начались игры, завертелись хороводы, послышался смех, и вскоре грянули долгожданные танцы.

Вековой поселился наравне со всеми, его тормошили ученики, кружили хохочущие маски, радовали веселые лица и осуждающие взгляды савинцев.

Но в праздничной суете он не забывал о данном мне обещании, периодически покидал зал, оббегал темные коридоры, проверял дежурство, заглядывал в классы.

В один из таких обходов, прогнав из раздевалки куривших парней и возвращаясь в зал, он вспомнил, что Наталья Аркадьевна, когда они танцевали, просила зайти учительскую, чтобы сообщить нечто «очень важное»; он еще, посмотрев в ее печальные, как ему показалось, глаза, понимающе шепнул: «Ох, уже эти новогодние тайны».

В учительской его действительно поджидала Наталья Аркадьевна, она стояла возле темного окна в белом с короткими рукавами платье, и в полумраке комнаты, среди огромных столов, шкафов и стеллажей с журналами и книгами, казалась совсем крошечной, воздушной и хрупкой.

Сергей Юрьевич весело и нарочито громко окликнул её, она резко обернулась, и моментально, на долю секунды задержав взгляд на ее лице, он понял, что Наталья Аркадьевна «не в себе».

Ожидая, что она заговорит первой, он направился к креслу, стоящем в дальнем, самом темном углу, сел, и, стараясь не смотреть на неё, лихорадочно соображал, что же может сейчас произойти.

Она следила за ним и молчала.

– Что-то случилось? – осторожно спросил он и робко поднял голову.

– Да, случилось! – громко, с вызовом воскликнула Наталья Аркадьевна.

– Что же? – пробормотал он, отводя взгляд в сторону.

Не сходя с места, оставаясь у окна, Наталья Аркадьевна холодно и зло прошептала:

– Вы знаете и спрашиваете! Хорошо, я скажу! Вы сводите меня с ума. Вы лишили меня устойчивости. Вы эгоистично влюбились в себя и развлекаетесь этим. Когда мы с вами сейчас танцевали, я прочла в ваших глазах презрение к моим чувствам. Вы равнодушно издеваетесь надо мной. Зачем вы приходили ко мне и говорили о смерти, назначении, поиске, о вашей безумной теории? Вам нужен собеседник? Вам Аркадия Александровича, вашего постоянного слушателя, было мало? И как вы могли испытывать на мне свою силу? Вы прекрасно знаете, что вас нельзя не любить, если и ненавидишь! Да что вам до этого! Вы видели, что переворачиваете мое сознание. Вы!.. Знайте! Я убью себя, если не буду видеть вас! Я не смогу жить без вашей силы! Почему вы не смотрите на меня? Вы что – трус? Вы – трус?!

Она истерично захохотала, но тут же резко оборвала смех и, торопливо подбежав к креслу, неумело ударила его по щеке маленькой влажной ладонью.

Сергей Юрьевич вскочил, схватил обезумевшую Наталью Аркадьевну за руку, с отчаянием выкрикнул:

– Вы сами довели себя, а не я вас!

Он хотел еще что-то добавить, но передумал, отпустил дрожащую руку Грай, круто повернулся и направился к дверям. И вовремя, потому что в этот момент в учительскую явилась бесшумная Валентина Марковна.

– Сергей Юрьевич, а когда же начнется фейерверк? – задержала она его, с любопытством рассматривая раскрасневшееся лицо Натальи Аркадьевны.

Ровно в пятнадцать минут двенадцатого, Валентина Марковна, в финале вечера, – не скрывая раздражения, бросил Вековой.

Через полчаса, находясь под впечатлением разговора, отметив, что Наталья Аркадьевна не появлялась в зале, и, опасаясь за ее душевное состояние, Сергей Юрьевич отправился ее разыскивать.

Он заглянул в учительскую, прошел в конец второго этажа и открыл дверь с табличкой «кабинет химии».

Класс пустой и темный, но из щелей небольшой двери, ведущей в лаборантскую, пробивалась узенькая полоска света. Сергей Юрьевич громко постучал, не дождавшись ответа, – вошел.

У окна, за стеллажами и шкафами, набитыми реактивами, химической посудой и приборами, стоял письменный стол, за которым, сложив руки на груди, равнодушно и отрешенно уставившись на Векового, сидела Наталья Аркадьевна.

– А, это ты! Я знала, что придешь. Ну надо же было в такой глухомани встретить эдакого демона! Ха-ха-ха! Нет, впрочем, ты не демон, куда там! Ты – демонёнок, маленький, крошечный, провинциальный печерёнок...

На столе возле стопки учебников в центре праздничного великолепия мандарин, яблок и конфет грубо торжествовала колба и граненый стакан.

Пьете! Я так и знал, – закивал Вековой и растерянно опустился на стул..

– Ты все знал, все!.. Ты все заранее знаешь и делаешь разумно, на будущее, – пьяно пробормотала Наталья Аркадьевна. – Я никогда водку не пила... нет, раз с девчонками, плевалась потом – гадость, а сейчас ничего, ничего... Дура! Влюбилась за три месяца! Потенции, говорит, во мне скрыты, в каждом человеке гениальность и бессмертие, сбрось оболочку, полиняй и переродишься... А он отворачивается, ему наплевать на любовь. Не то я создание... Да, а что? Может быть, я и еще раз водку пила, тогда... с этим, но тебе об этом – все! запрет! Ты чистый. Я, может быть, разные там... примитивное одолевает. А тут вдруг влюбилась и противна себе, ха-ха!.. Сережа, миленький Сереженька! Я о тебе думала, когда ты вечером уходил. Мечтала... Ты знал? Знал! В подушку уткнувшись и представляю, как ты идешь по улице,

как приходишь домой, включаешь свет и никого нет, и читаешь, а потом ложишься в холодную постель и лежишь с открытыми глазами – единственными, умными... Думаю, вот придет в следующий раз, я возьму и поцелую, за все, за счастье поцелую! На

цыпочки встану и очишусь... И хорошо так думать, и люблю. А приходишь, я слушаю и ненавижу, осмелиться не могу, и мечтать о поцелуе не могу! Ненавижу эти говорящие губы! – ударила она кулачком по столу. – Тебя никто не поймет! Никто! Пойми, ты никому не нужен, они плюют на тебя! Думала – в Новый год буду с ним танцевать – он мне хоть что-то скажет. Я ему в любви, как сумасшедшая, признаюсь, а он приходит – и о бессмертии, о бессмертии... как будто меня нет, как будто без чувств. Специально, – широко раскрыв рот, протянула она «а» и «о».

Сергей Юрьевич молчал.

Было хорошо слышно, как в зале мутно гремит музыка, и как в такт ей с тающего на стекле льда, сбегая с подоконника на пол, раздражающе хлопаются тяжелые капли.

Произнося свою отчаянную сбивчивую речь, Наталья Аркадьевна не смотрела на Векового, он покорно ждал, когда она выговорится.

Вытянув обнаженную шею, высоко подняв подбородок, крепко зажмурив глаза, юродиво усмехаясь, она говорила все невнятнее и тише.

– Я жила, жила... Думала, встречу человека, умного, черноволосого, полюблю его, детей буду рожать и счастье будет... А тут этот... нельзя обречь детей мучиться и жить, если сам не нашел смысла и назначения. И счастье-то я, оказывается, выдумывала мещанское... Новый год любила, запахи подарков и елки. В костюмчик, помню, зайчика наряжалась и хохотала. А сегодня не могу и жить не хочется, земля под ногами бьется, как в истерике, и все кружится, бешено кружится, и не за что ухватиться... Когда ты говоришь, то всё правда, а уходишь – жить страшно. Я эти журналы, помнишь, ты о них говорил в первый раз? – сожгла, пять дней жгла, а ты и не заметил! Я их с собой везла сюда. Да, боролась за свое счастье, да, инстинкты, и боролась с ними. Оказывается – ничтожной борьба была, да, да, – я вошь в сравнении с истинным человеком, я ничтожество, потому что думаю как все, и теперь мне жить с презрением к себе, как с прогнившей...

Тут Вековой не удержался:

– Разве я так говорил?

Она испуганно вздрогнула и невидяще взглянула в его сторону.

– А, ты здесь! – и вдруг заплакала. – Сереженька, миленький, ну как мне жить? Я всегда молчала, я не знала, что можно думать по-другому. Я знаю, ты меня не любишь, ты смерти моей хочешь... Чтобы я сбросила оболочку, но как, как?! Ты приехал, ты все перевернул, ты велик, Сереженька, ты очень велик... Мне нельзя теперь жить по-прежнему. Ты меня отвергаешь, так знай, я убью себя и ты будешь виноват. Ты!

Сергей Юрьевич подошел к столу, налил из колбы в стакан.

– Ну и развела ты, Наталья Аркадьевна! – сказал он, выпив, – тут воды в четыре раза больше спирта.

Наталья Аркадьевна молчала, безвольно опустив голову на грудь.

– Послушайте, Наташа, – коснулся ее плеча Сергей Юрьевич. – Ложитесь спать здесь, а? Я вам принесу свой полушубок, потом вон_ те шторы постелем, и ложитесь? Вы устали, отдохните, выспитесь, а» то нехорошо вам, а?

Она не отвечала.

Сергей Юрьевич решил действовать, рискнул оставить Наталью Аркадьевну одну и пошел за полушубком.

Пока он ходил, она не двинулась с места и как будто уснула.

Он бросил на пол полушубок, накрыл его шторами, предназначенными для затемнения окон, а в изголовье пристроил белые лаборантские халаты, предварительно свернув их в тугий клубок.

– Наталья Аркадьевна, я пошел! – громко сказал он, – а вы ложитесь, слышите!

И вот тут-то произошла эта безумная необъяснимая сцена.

Наталья Аркадьевна, к этому моменту окончательно опьяневшая, вскинула взлохмаченную голову, выкрикнула что-то и изо всех сил бросила в Сергея Юрьевича мандарином, который все это время держала в руке.

Мандарин пролетел мимо, ударился о шкаф, смачно упал, откатился к дверям.

Сергей Юрьевич подскочил к Грай, схватил ее за руки:

– Успокойтесь, успокойтесь! Я виноват перед вами, виноват! Но она билась, рыдала так, что на искривленных губах появилась пена.

– Я вам все объясню, объясню! – шептал потрясенный Сергей Юрьевич, он крепко обхватил руками ее дергающееся тело. – Я может быть вас тоже...

В это мгновение дверь широко распахнулась, и в лаборантскую, измяв праздничными туфлями злополучный мандарин, ворвались Савина и Анна Самуиловна Буряк.

С глазами, увеличенными от потрясения, ужасно возмущенные в своей целомудренной миссии, женщины, ни секунды не мешкая, схватили «распоясавшегося Векового – этого жалкого соблазнителя» двумя парами мужественных рук и «буквально оторвали» от «обманутой Грай».

– Сергей Юрьевич Вековой! Ваш поступок вне всяких рамок! Вы – преступник! – звонко провозгласила Валентина Марковна, иступленно мотая перед собой указательным пальцем.

Буряк, несмотря на то, что «преступник» не сопротивлялся, цепким приемом держала его сзади за руки.

Все тяжело дышали.

Трагикомедийная сцена достигла кульминации.

Наталья Аркадьевна медленно обвела комнату тусклым взглядом, икнула, и, закрыв глаза, истерично закричала:

– Держите его! Это он, он!..

– Вы напоили ее?! – еще громче бедной Грай протрубила Савина. – Вы... Вы негодяй!

– Да отпустите же меня! – дернулся измятый Сергей Юрьевич.

Его мольба не была удовлетворена, и ему пришлось вырваться из рук Анны Самуиловны.

– Я сейчас вам все объясню, – повторял он, нервно застегивая пуговицы пиджака.

Валентина Марковна побелела от злости.

– Объясните?! Кому нужны ваши объяснения?! Все, все, абсолютно всё ясно!! Мы свидетели, мы подтвердим! – и, уже придя в себя, поставила желанную точку, – вот куда заводят безнравственные эксперименты! Вы не педагог, а развратник!

– А вы кто? – не удержался Вековой. – Вы беспардонная и потому недалекая женщина! Наталья Аркадьевна, извините меня за этот идиотизм!

Он развернулся, пошел к дверям, поскользнулся на мандариновой корке, сказал: «Э, черт!» – и скандально хлопнул дверью.

6. Новогодняя ночь в подвале

Фейерверк не состоялся. Танцы дотянули до одиннадцати часов и закрыли школу.

Мне позвонила Валентина Марковна и подробно сообщила о происшедшем.

По ее словам получалось, что Вековой «безобразно спойл Наталью Аркадьевну» и «соблазнил ее», чему не дали совершиться подозревавшие «этого развратника» и следившие за ним весь вечер «безжалостно оскорбленные женщины».

Я перебил тираду Валентины Марковны и поинтересовался, где находится Сергей Юрьевич, и тут же услышал, что он «позорно бежал», что «великодушная Буряк» увела Наталью Аркадьевну к себе домой – без свидетелей, дождавшись, когда все покинут школу.

Мне оставалось любезно попросить Валентину Марковну не разглашать случившееся, пока я не поговорю с Сергеем Юрьевичем; попросил об этом, заранее уверенный, что уже сегодня поселок узнает обо всем.

Хотя я и сомневался в том, что Савина правдиво изобразила ЧП, всё-таки не мог ни поверить некоторым странным подробностям и в первые минуты был поражен, не скрою – даже испуган, настолько, что подумал: «Не сошел ли с ума Сергей Юрьевич?»

Тогда у меня не выходила из головы психбольница, и потом – эта непонятная вспышка после рассказа о читальном зале, а отказ от сказанного? Еще теплилась маленькая надежда, я ждал, что Сергей явится, как обещал к двенадцати часам, и сам все объяснит.

От разных мыслей заболела голова, появился озноб, я мотался по комнате, стучал зубами, кутался в одеяло и успокаивал себя благоприятными предположениями.

Утомительно текло время.

Позвонили десятиклассники, поздравили и спросили о Вековом.

Не ответив, я положил трубку.

Стучали часы, вот и доблестные гости «Голубого огонька» приготовились торжественно сдвинуть бокалы...

Вековой не пришел.

Холодея от мысли, что мне до утра придется мучиться в неведении, я, грешный, налил полный стакан коньяка и махом выпил его, не закусьвая.

Потом тоскливо посидел, бездумно и сиротливо глядя в телевизор, и вдруг подумал, что, может быть, в окне у Векового горит свет, может быть, он дома? Моментально оделся и выскочил на крыльцо.

Мороз, опьяненный новогодним ветром, яростно впивался в лицо и руки. Я распахнул калитку и бежал по улице до тех пор, пока сарай, загораживающий окно Векового, не отполз в сторону – окно не светило! Как раз над крышей его дома круглым глазом насмешливо желтела луна. Побито завывала собака, резанула и оборвалась гармошка, кто-то с пьяным восторгом орал «ура!», в небе хлопнула и заколыхалась зеленая ракета. От быстрого бега по морозу сердце зашло, я задыхался.

«Каким же сумасшедшим будет этот год, если последний день старого принес столько безумных неожиданностей!»

Отдышавшись, я поплелся домой, вслушиваясь, как от коньяка начинает шуметь где-то внутри головы, как в виски ударяют мягкие, горячие молоточки. Стоит ли писать, что я не спал всю ночь?

Утром, с воспаленными глазами, болями в голове и тревогой на сердце, я отправился к Вековому.

Ночной ветер улегся, улицы безлюдны. К обеду поселок оживет, откашляется, опохмелится и вновь кинется в круговорот нелепой шумной жизни.

На дверях его квартиры замок. Следов на крыльце никаких.

Я знал, что он не закрывает замок на ключ, но не стал входить в дом, спустился с крыльца и пошел, омраченный гибельными мыслями. Где его искать? Замерз? Пьян? Ушел? Само?..

Безответственные мысли беспорядочно носились в большой голове, я зачем-то снял шапку, снова одел и снова снял, посмотрел по сторонам и понял, что нахожусь у дверей школы. Двери закрыты. В ожидании потоптался под окнами, провел рукавом по лицу – вытер крупные капли пота. Начинался жар.

Проклиная все на свете, бросился домой. Температура под сорок. Высыпал на ладонь горсть аспирина, добавил, не считая димедрола, и опрокинул таблетки в рот. Через полчаса сон сморил меня.

А Вековой всю эту ночь, как и я, не спал.

Хлопнув на прощанье дверью, он хотел пойти ко мне, но передумал, решив, что в таком ужаснейшем состоянии духа не сможет толком объяснить мне все происшедшее, потому что я в то время до конца не был посвящен в некоторые его суждения по поводу поиска назначения и еще не знал о существовании «теории», а темы эти, как мне потом стало ясно, были основной причиной, толкнувшей Наталью Аркадьевну на отчаянные поступки и высказывания, а если точнее выразиться, темы, от невероятности которых молодой и привыкший к детской определенности разум потерял контроль над воспаленными чувствами.

Сергей Юрьевич винил во всем случившемся себя и никого более. Действительно – разве это оправдание, что он несколько раз заходил к молодой образованной женщине, делился с ней философскими идеями, считая, что ее незатуманенное сознание может безболезненно воспринять дерзновения беспокойного ума, потому что во всем поселке не нашлось подходящего сверстника, который мог бы достойно слушать и достойно понимать?

Нет, Сергей Юрьевич и не думал ни о каком оправдании, он решил немедленно уехать, мысль безумная, потому что уехать зимой ночью не было никакой возможности, а теми праздники.

Вероятно, он ушел бы в город пешком, не столкнусь на первом этаже с Иваном Павловичем Рясовым.

В новом мешковатом костюме, испускавшем благоухание жгучего тройного одеколона, Трудовоенчерпий стоял у окна и пребывал в

Наисквернейшем душевном состоянии.

Сегодня он поругался с женой, что случилось крайне редко и обычно перед праздниками, когда Иван Павлович наотрез отказывался идти в гости.

Лидия Викторовна – заведующая детским садом, любила заводить «солидные» знакомства, то есть имела убеждения резко противоположные убеждениям мужа.

В этот раз они должны были пойти к Зайцевым, но Иван Павлович, как и в день седьмого ноября, решительно взбунтовался; он терпеть не мог Зайцевых – директора рыбозавода Анатолия Петровича и его жену – домработницу Анну Сергеевну. Он говорил: «Директора приходят и уходят, как кета, а море остается, как совесть. Зайцев икру отменит и гнить начнет» (в чем, кстати, оказался прав).

Долгие уговоры заканчивались классически – жена со слезами на глазах и обидой в душе сетовала на свою незадачливую судьбу, обзывала Трудовоенчерпия «придурковатым мичманюгой», и он, багровый от незаслуженного оскорбления, тяжело дыша и проклиная

день женитьбы, облачался в свой праздничный костюм, обильно опрыскивался одеколоном и отправлялся ко мне на ночлег или в школьный подвал, в мастерскую, где уединялся до утра, ожесточенно орудуя плотницкими инструментами и собирая костюмом свежие стружки. Ссора с женой зажигала в нем желание поговорить, что он и делал, даже когда оставался в полном одиночестве.

Чего еще не любил Иван Павлович – так это обязательных дежурств на школьных вечерах, и старался под любым предлогом отказаться от них.

Но в этот вечер он, по просьбе Векового, долго стоял в зале, созерцал танцующих и следил за порядком, а теперь вышел покурить и отдышаться.

– Сергей Юрьевич, – бросился Рясов к Вековому, – я больше там не могу торчать. Скучно! Да и что может случиться с этими плясунами, ноги они, что ли, потеряют... Что с вами, Сергей Юрьевич? С чего ради у вас на подбородке кровь?!

Глаза у Векового отрешенно сверкали, и, действительно, на подбородке запеклась полоска крови.

– Э, да это я губу прикусил. Пустяки!

Вековой торопливо обтер подбородок ладонью, оглянулся по сторонам и спросил Рясова:

– У вас найдется выпить?

– Найдется! – мгновенно воскликнул Иван Павлович и осекся: по коридору шли старшеклассники.

– Есть, конечно есть, – зашептал он. – Идёмте. В такой день и чтобы не было! С чего ради! И он повёл Векового в мастерскую.

Из ящика для инструментов человек-универсал извлек бутылку коньяка и торжественно водрузил на верстак.

– Вот чем располагаем! Специально для праздника припас, еще не прикасался.

– У вас одна? – спросил Вековой.

– Что – одна?

– Ну, бутылка?

– А-а! С чего ради одна? – возмутился Рясов. – Есть и другая, но не темненькая, а беленькая, на крайний случай. Я хотел с коньяком двинуть к Аркадию Александровичу, да ладно уж, он болеет, а мы с вами, Сергей Юрьевич, отметим. Вы что, еще ни-ни? С чего ради? Новый год! Хоть я и не люблю этих танцев и не понимаю их разумности, но пусть люди веселятся. Вы не поверите, я никогда в жизни не танцевал. С чего ради? Лучше спортом заниматься, чем голову на пустяки растрачивать. Ну да это у них по молодости, куда от ее изгибов, денешься? Хуже, когда отвыкнуть от этих танцев не могут, всю жизнь танцуют. У меня сын тоже не любит танцы посещать, может поэтому семью не завел, а ему за тридцать перевалило, он у меня спокойный – исполнитель. Деньги копит, уезжать хочет. В мать весь, зараза... Ну, давайте, Сергей Юрьевич! У меня тут вот и кулечек припасен. С чего ради без закуски пить? Ну, за старый год!

Они выпили, потом еще, по настоянию Сергея Юрьевича, на которого с нескрываемым недоумением поглядывал Трудовоенчерпий: очень уж странными ему казались выражение лица и поведение молодого учителя.

– Вы знаете, с чего ради люди так буйно радуются Новому году? – устроившись на верстаке, говорил Иван Павлович. – Не потому же, что дожили до него? Потребность у людей в веселье, потому и надежда появляется – жить еще целый год будут, авось, в Новом году

порадоваться придется вдоволь. Год – эта ведь о-го-го! Это ведь как гора, на которую нужно влезть и с которой, быть может, придется скатиться. Точно так. И не ведаешь, скатиться ли, влезешь ли? Но есть такие, что и знать заранее могут, рассчитать все и случайности, по возможности, учесть. У них Шансов больше – и смелостью они

обладают, и чувством. Вот таким вести бы нас, любую бы гору взяли, а старики бы при этом советом помогали, но желательнее снизу, а не сверху. Конечно, понятие о горе у каждого разное. Я вот в своей жизни и в одиночку лазил, но больше скатывался, а все равно надеялся, что в Новом году счастье с радостью будет. А зря. Счастье-то искать и не нужно было...

– Как это?

– А очень просто! – обрадовался Иван Павлович вопросу. – Счастье внутри тебя, это понять нужно. Если бы в человеке не было заложено желание радоваться, он бы волком смотрел на все смешное. Волку смешное до лампочки, а человек не от привычки радуется, он от стремления радоваться совершенствуется, если, конечно, он человек в настоящем смысле... Ведь так?

– Интересно, интересно...

– Счастье – это когда делаешь, а сделал – и еще делать хочется, когда вспоминаешь, как радостно было делать. Даже если тебе худо, то ты сознаешь, что счастлив, потому что испытал радость труда, увидел справедливость своего дела – вот тогда и есть у тебя свобода и счастье – это ты сам – достойный счастья внутри себя. А все эти поиски счастья – от праздности. В нашей литературе все извращения поисков счастья досконально показаны. И вот еще какое бывает – один человек многих счастливыми может сделать, если даст понимание счастья или огонь желания прометеевский...

Вековой не переставал удивляться: этот пожилой, тихий человек, казавшийся ему раньше ограниченным и обыкновенным, сегодня совершенно преобразился – был воодушевлен и уверен в себе.

В мастерской остро пахло свежими стружками, столярным клеем, и от этих них запахов уверенность и мир воцарялись в душе у Сергея Юрьевича, никуда не хотелось идти, неприятные происшествия забылись, и радовал молодой блеск глаз разошедшегося Ивана Павловича.

– Я счастье обрел поздно, когда силы молодые покинули тело, а мог бы раньше знать это чувство. Много бы сделал, правда, огня прометеевского во мне мало от рождения было... Люблю я легенду о Прометее! Всегда помогает преодолевать, как это, черную кровь, снежные маски. Верно я сказал? Как же, читал, нашел время. Я все мечтаю к вам на урок попасть, да пока не получается – у вас урок и у меня. Вы их здорово, – это я про Савину и подпевал, – по затылку съездили своим экспериментом, как они называют. Без смеха они живут, а если и смеются, то зубы стиснув. – Рясов, передразнивая кого-то, зашипел, обнажив и стиснув зубы. – Дети их боятся. Чему они учат? Эх, да что мы о них! С чего ради? Ребята должны сами все познавать и учиться, им нужно осторожно помогать в этом, а не подгонять их под взрослых. Взрослые куда хуже детей, бывает, грязны так, что у них и учиться не стоит. А у нас как учат: вот учебник, и пересказывай материал из него, шаг влево, шаг вправо – анархия, трибунал, отвечай как положено! Сомневаться – ни-ни! Все хорошо, прекрасная маркиза! Отвращение к книгам и труду наши педагоги вырабатывают. Пришлют резолюцию – и ну под нее плясать. А в глаза этого резолютора и не видели, может быть он пройдоха, а?

Сергей Юрьевич от души улыбался.

– Точно так. Вот я – выпиваю, – Рясов понизил голос и виновато посмотрел на бутылку. – Привык я физически, не скрою, а узнай эти ведьмы – сживут, непременно сживут, как пить дать сживут! Вот и кончится мое счастье. Поздно мне новое искать. С чего ради жить буду? Приходится начеку быть, скрываться в строгой конспирации. Средство я одно знаю...

И он обстоятельно рассказал, как избавляется от запаха водки.

– А что, без нее совсем не можете? – спросил Вековой.

Не могу. Я ведь на войне пристрастился. Организм молодой, вот и привык за три года. Окопы, ветер, снег, страх, а спирту выпьешь – и не так тяжело. После войны многие без водки не могли. Спились многие, и я чуть было, но ничего, выкарабкался, научился потихоньку...

Пробовал бросить – без толку, все равно что не спать, и вроде не алкоголик, не буяню, а выпить не то чтобы люблю, как средство для жизни принимаю. У меня даже сын не знает, что я... того... Прячусь. Война-то, видишь, куда корни пустила... этим я с ней и повязан.

Иван Павлович вздохнул и замолчал.

– Расскажите, – попросил Вековой.

– Грязь это, и вспоминать не люблю. Пацан я был. Семнадцать лет. Сначала страшно, невыносимо было. А потом ничего, привык, как положено. Но страх всю войну не покидал, чувства-то притупились, а душа все равно вздрагивала. У меня с войны запах остался – земля сырая, сапоги и картошка печеная, да ядреный пот примешивается или масло ружейное и порох сгоревший. Вся эта смесь и есть для меня война. Что там говорить, много хороших людей полегло. Аркадий Александрович считает, что войны вообще могло не быть. Видишь, как поворачивается... Не знаю... Про войну ребятам не рассказываю, слов гладких не нахожу. Желание тогда у многих было: все можно – хватай, бери, рви, пользуйся – война спишет. Трудно преодолеть это желание, ведь мысль всегда присутствовала: убьют не сегодня-завтра. А подвиги... подвиги – это грубое «надо». Наглость и жестокость всегда русского человека вынуждали подвигом расплатиться, до предела они довели, до предела разозлили. Возьмем город, выпьем – и плачу: и себя жаль, и мир, и детей, и человечество... Сколько жестокости» – и все ради чего – идей или вождей? Желают, видишь ли, счастья потомкам, а живых топчут; не понимаю я таких идей, не верю. И не могу я детям этого рассказать. Я им все больше о житействе, случаи интересные разные. Журналов специально понавывписывал. Да и предмет свой не люблю, понимаешь, дело военным не бывает... Рассказывать о войне – и произносится-то глупо, легкомысленно. Ты думаешь, мне легко учить убивать? Убивать как можно больше, когда хотят убить тебя? По мне – не учить этому вообще. Пусть они убьют нас, а мы их – нет. Все равно толку в лишней крови не будет. Только это никому не докажешь.

Рясов замолчал, задумался, машинально погладил маленькое яблоко, положил его на верстак, взглянул на часы:

– Без пяти двенадцать! Давай, Сережа! И не спрашивай ты меня больше, такой войны уже не будет.

7. 1 января. Перевертыши

По себе знаю – Иван Павлович такой человек, которому в дружеской беседе все расскажешь. Он может слушать подолгу, с родственным вниманием, ни разу не перебив; когда выговоришься, очень точно обобщит и осторожно, намеками, посоветует.

Незаметно для себя, спокойно и обстоятельно рассказал Вековой о происшествии в лаборантской, но о пощечине дипломатично умолчал, ему казалось, что этот суровый акт, вызванный секундным безумием, исказит истинные причины новогоднего буйства Натальи Аркадьевны.

О «теории» упомянул упрощенно, мол, рассказывал Наталье Аркадьевне, что человек, достигнув особой стадии духовного совершенства, обретает бессмертие и что форма жизни при этом становится совершенно иной, отличной от всех ныне существующих представлений о жизни, мол, к таким убеждениям пришел года три назад и не считает себя сумасшедшим, зная при этом, что настоящие сумасшедшие так же не считают себя таковыми, и, естественно, если принять «теорию» и пытаться действовать соответственно ей, то жить по-прежнему будет никак нельзя, и, по-видимому, долго думая о своей жизни, изнуряя себя муками проникновения в сущность идеи, Наталья Аркадьевна за короткий срок довела себя до болезненного смятения и, не выдержав напряжения, неожиданно для себя самой, безрассудно сорвалась; что же касается любви, то она делает всю эту историю еще более печальной и безвыходной; и если думать о положении несчастной Натальи Аркадьевны, то хоть вой, хоть беги, а помочь совсем нельзя, и остается запоздало проклинать себя за невнимание и слоновость, в ожидании последствий для обоих.

Вековой выговорился.

– Я в философии мало что понимаю, когда-то пробовал читать, запутался и бросил, – бесстрастным голосом вымолвил Рясов после некоторого молчания. – А настоящая любовь миновала меня. К жене привык и люблю по привычке. Она у меня с норовом, но зато понимает меня как никто другой... Время примиряет и сглаживает шероховатости. Когда делаешь, то отчаянно к концу, к результату стремишься и невероятно зол можешь быть, если отвлекут. С чего ради под горячую руку лезть? Вот жена и не любит отвлекать, когда я модели клею или еще чем занимаюсь. Сама начинает возиться, покажет – похвалю и меня похвалит, вот так и живем. Возьми и савинцев – они до поры, пока ты сам не воспротивишься, под руку не лезут – ты им по мозгам запросто надаешь – они и ждут твоей оплошности, или когда ты первый начнешь. Я вот выражать точно Мысль не умею. Ученики замечают, да ничего – понимают. А от женщин, как я полагаю, всегда несуразного ожидать стоит. С ними не соскучишься, но желательно спасительную дистанцию соблюдать и не соблазняться их истериками. Мужики, вон, и те с ума сходят...

Так, во взаимном понимании они профилософствовали до утра, а утром, дружески попрощались, чувствуя, что новогодняя ночь чудотворно сблизила и обогатила обоих.

Рясов пошел домой, по ежепраздничному опыту зная, что жена рано вернулась от Зайцевых и, конечно же, не запирала дверей.

– Два дня глазами постреляет и успокоится, понимает мои интересы. Вот за это ее и ценю, а то бы давно холостяковал, – сказал он на прощание.

Тут-то и вспомнил Вековой обо мне и о своем обещании прийти к двенадцати часам. Раздетый, он побежал по пустынной улице к моему дому.

Дверь, как и Рясова, я на ночь не запираю, и Сергей Юрьевич, не дождавшись моего «да, войдите», беспрепятственно вошел в комнату, где я, усыпленный димедролом, беспардонно и яростно храпел. Упаковки от таблеток валялись на стуле у дивана – он понял, что

меня не добудиться, смерил мне температуру, написал записку и, немного подремав в кресле, отправился в школу за полушубком.

Было около девяти часов; в коридорах тихо и пустынно, на полу конфетти, бумага, хвоя; интернатские ребята окончили завтракать в столовой, расположенной в крыле первого этажа; Вековой заглянул туда и столкнулся в дверях с воспитательницей Гуровой; она поздоровалась, поздравила с Новым годом. По ее любопытно-укоризненному взгляду можно было догадаться, что о вчерашнем казусе она достаточно наслышана.

Полушубок он отыскал на втором этаже в кабинете литературы. Кто-то демонстративно бросил его перед дверью на пол.

Сам не зная зачем, Вековой заглянул в учительскую – тот же послепраздничный хаос и беспорядок: столы сдвинуты в угол, нагромождение стульев, «конь» и «козел» из спортзала, и диво! – за своим столом восседала Савина.

Сидела так степенно и ровно, будто и не было никакого праздника, будто не она вчера самоотверженно боролась за безопасность и правду, будто вообще никуда не выходила и всю ночь бдела на своем благородном посту.

– Здравствуйте, – натолкнувшись на суровый и неподвижный взгляд завуча, пробормотал Вековой.

Валентина Марковна даже не кивнула. Весь ее облик красноречиво заявлял о презрительном нежелании «опускаться до подобных»... Вряд ли сегодня она смогла подыскать какое-либо суровое определение или едкое имя для...

– Что с Натальей Аркадьевной? Где она?

– Она там, где нужно! Вы еще набираетесь... об этом спрашивать! – не удержавшись, вспылила Валентина Марковна.

Вековой желал мира и понимания.

– Послушайте, Валентина Марковна, я пришел не ругаться и не оправдываться. Мне не в чем оправдываться. Я готов принести вам извинения за вчерашнее, я прошу у вас извинения...

– Вы поглядите! Наделали делов и хвост поджали? Вы, может быть, считаете все происшедшее в порядке вещей?! Это, молодой человек, наглость! Никакого извинения вы у меня не получите, подобных вам нужно держать в заведениях для маньяков с повышенной сексу...

– Я вижу, мне не о чем с вами говорить, и я удаляюсь, чтобы не искушать себя и не надевать еще их вами глупостей. До свидания.

Савина задыхнулась негодованием, она и эти слова истолковала по-своему, она была потрясена, оскорблена – в течение всей жизни никто не смел ей в глаза бросить подобное!

В это утро ей нашлось над чем поразмыслить, в частности, она была искренне опечалена прозорливым открытием, ей стало ясно, как дважды два: моральный облик нынешней интеллигенции крайне не соответствует уровню научно-технического прогресса, а молодежь, при всех социальных достижениях народно-хозяйственных успехах, извращена влиянием прогнившего Запада...

Когда Сергей Юрьевич вышел из школы и глотнул морозного воздуха свободы и ясности, ему нестерпимо захотелось завывать, взвыть по-волчьи – загнанно и непримиримо. Всюду – вечность, миры и звёзды, ты – рожден космосом...

«Господи! Замкнутый круг. Понимал ее состояние как никто другой и всё равно довел до предела. Да, это болезнь. Уехать – подумают – бегство. Жаль бросать эти места, здесь я хорошо начал. Бросить то, где возвратился к себе, где избавился от кошмаров? И ехать некуда, где оно, мое место?»

Дома Векового встретила постоянная верная спутница холода – неуютность. Нужно было топить печь, но ноги, почувствовав конец хождениям, предательски заныли и не хотели двигаться, сказывалась бессонная ночь.

Вековой поспешно разулся, завалился на раскладушку, с головой укрылся двумя одеялами и полушубком. Темнота поглотила сознание, и микросмерть приготовилась снимать усталость, наполнять организм свежими силами для нового кусочка жизни.

Но уснуть не удалось.

В дверь решительно постучали, и пока Сергей Юрьевич ошалело выкарабкивался из-под одеял, в комнату без приглашения ввалился Степан Алексеевич Буряк.

– Хозяин! – сдернул он полушубок. – Вставай! С Новым годом тебя! С Новым счастьем, будь оно трижды неладно! Ну, ты, паря, дрыхнешь! Я всю ночь не спал и здоров, свеж, производителен, а ты-то вчера рановато лег, а? От конфуза и двенадцати, наверное, не дождался? Знаю, знаю, все знаю, голубчик! Жена и Савина – дуры они, брат, вечно не в свое дело лезут. Ну ничего, подъем! Хватит и нежиться! Ты, я смотрю, свой человек. Бери быка за рога, как говорится, а девку за то самое, ха-ха!..

Пока он болтал, Вековой поднялся и пошел на кухню растапливать печь. Буряк за ним.

– Давай, давай, затопи. Холодно у тебя! Я вот принес бутылочку, трахнем по стопке – миг проснешься, отогреешься. Ну что ты как неживой?! Вчерашнее вспомнил? Выбрось! Она на тебя зла не имеет. Ручаюсь. Сам утром на крыльцо проводил. Жена ей: его, мол, надо посадить, это варварство нельзя без наказания оставлять! Вот дура-то! Кто бы говорил о варварстве! А Наталья ей: «Он не виноват, он ничего не сделал». Представляешь? «Я одна во всем виновата». И в том же духе. Защищает! Видишь, как бабы-то!

– Наталья Аркадьевна у вас ночевала?

– А ты, что ли, не знал? Жена ее привела. Наталья пьяненькая и ноги заплетаются, здорово ты ее! Куда ей идти? А мы рядом живем. Ты с ней пил и удивляешься? Я им говорю, что бы это он ее спаивал? Как? Не захотела бы – не пила! Что она – девочка какая, верно?

Довольный, уверенный Буряк подсел к столу.

Он, как заметил Сергей Юрьевич, был явно навеселе и пришел, скорее всего, на разведку, по настоянию жены.

Вековой недолюбливал физика, который это прекрасно видел и в зависимости от ситуации иронически, снисходительно или насмешливо относился к «молодому да нелепому».

На педсовете, как я писал, Буряк похвалил Векового, но не потому, что был заинтересован его преподаванием (он давно и глубоко плевал на педагогические новшества), ему просто не терпелось поддеть, уколоть жену, которую он ненавидел открыто и безмерно.

Худощавый, с вечным чубом, зачесанным на правый бок, не лишенный, на мой взгляд, элегантности и привлекательности, физик – прямая противоположность жене – и в полноте, и в элегантности, и в привлекательности. Она, по выражению самого Буряка, «просто баба», но замечу от себя, что у нее, в отличие от мужниного, более логическое и изворотливое мышление, она представляет тот многочисленный человеческий тип, который в любом коллективе является эпицентром сплетен и инициатором тайных обсуждений всех и вся, в том числе и своих лучших приятельниц. Не знаю, как и почему женился на ней Буряк, но могу сказать наверняка: жену свою он опасался, хотя частенько ей изменял, что ни для кого не было тайной и служило неисчерпаемым поводом для долгих, скрашивающих малособытийную жизнь поселка разговоров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.